

0+

Ваши дети Не Ваши дети

Павел Эрзяйкин

Павел Эрзяйкин

Ваши дети не ваши дети

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68025395

SelfPub; 2022

Аннотация

В этой книге нет ничего такого, чего бы вы не знали. Воспитывая детей, мы предпочитаем избитые и популярные социальные модели и постулаты и следуем им, даже не задумываясь, хотя их абсурдность очевидна. Просто мы считаем, что это «правильно»!!! Не обманывайте себя – ребёнок не обязан соответствовать вашим ожиданиям и даже должен вас любить. Ребёнок – более живой, чем его родители, потому что в ни ещё пока больше жизни. Родители, запомните, ребёнок – не ваша собственность! Родители – это лишь условие для проявления новой жизни, и ваша задача – создать пространство для роста. Ребёнок, только появившийся на свет, уже совершенен и красив, совершенное и красивое не нуждается в улучшениях.... Ранее книга выходила в другом оформлении.

Содержание

Вступление	4
§ 1.1. Родительство	13
§ 1.2. Норма	40
§ 1.3. Обратная связь	66
§ 2.1. Точка опоры	85
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Павел Эрзяйкин

Ваши дети не ваши дети

Вступление

Я провожу семинары «Родительское собрание» и тренинг «Самоменеджмент», на которых предлагаю участникам определиться с целями своей жизни и своими социальными ролями. Когда речь идет о таких ролях, как «друг», «директор», «любовник», все более или менее понятно, но с ролями «я – мать» или «я – отец» обнаруживается полная неясность, незнание и неспособность осознать: зачем все это. «Почему» я мать или отец – знают все, а вот «зачем» – темный вопрос. Как правило, под ролями «отец» и «мать» мы понимаем обязанность вырастить «хорошего» ребенка, за которого нас похвалят соседи, учителя, а может быть, даже грамоту дадут, а еще лучше – придут с телевидения и скажут: «Какого хорошего сына вы воспитали!» И другого понимания своей роли у родителей нет.

Основная задача книги – привести родителей к осознанию своей роли «мать» или «отец», сделать их ответственными созидателями и инвесторами, а не терпилами, что неизбежно, когда родительство воспринимается по шаблону «должен, вынужден, обязан». Я хочу помочь родителям обре-

сти ясность, показать работающие функциональные модели воспитания детей, показать, как рядом с ними растет новая жизнь и по каким законам она развивается. В этой книге нет ничего такого, чего бы вы не знали, – это лишь описание тех ощущений, которые вы переживаете, общаясь с ребенком, но на которые не обращаете внимания, так как не осознаете их функциональности.

Чаще мы оперируем «правильными» моделями поведения и руководствуемся своей озабоченностью тем, как выглядим в глазах общества. И то, что мы называем воспитанием, на деле лишь навязывание «мертвых», давно неактуальных и непонятно кем и когда созданных ценностей. В своем воспитании мы опираемся на старые модели, а не на ребенка, не на то, что происходит между нами и им здесь и сейчас. Нет точки опоры на его личность и на то, что является нашей целью его воспитания. Этому мы предпочитаем избитые и популярные социальные модели и постулаты и следуем им, даже не задумываясь, хотя их абсурдность очевидна. Например, существует стереотип о том, что половые органы – грязная часть тела. Поэтому мальчики моют руки после того, как сходят в туалет. Вообще-то руки грязнее до туалета. Но мы не задумываемся и живем в этом абсурде, делаем многие вещи на автомате, но в автоматизме нет никакого рационального смысла.

Мы делаем что-то, если считаем, что это «правильно». Ребенок – более живой, чем его родители, потому что в нем еще пока больше жизни. Родители уже стали «инвалидами» социализации и делают все «правильно» и «хорошо», а потому неискренне. Им обидно, что они следуют каким-то законам общества, подкладываются под него, прогибаются, отказываются от собственных желаний и намерений, от своей индивидуальности в пользу одобрения окружающих, а ребенок все эти социальные законы игнорирует. Мы пытаемся навязать детям нашу модель жизни, которая заключается в отказе от этой жизни, они сопротивляются, а мы их пугаем и бьем. Потому что если наши дети не соответствуют нормам, принятым в обществе, значит, мы «плохие» родители – недовоспитали, недоглядели, недосмотрели, недоконтролировали и недоманипулировали.

В системе государства традиционно принято следующее: если это твой ребенок, ты «должен и обязан», «отвечаешь и поручаешься». Под родительской ответственностью подразумевается, что ты должен «правильно» его воспитывать, чтобы он потом «правильно» себя вел. Его укладывают спать днем в садике, а ребенок спать не хочет, и получается, что ты «плохая» мать, потому что твой ребенок не соответствует каким-то нормам. И большинство родителей заботит лишь то, как о них подумают окружающие. В супермаркете ребенок уронил стойку с чипсами – мама кричит на него, красне-

ет, ей неудобно: что теперь люди скажут? Да какая разница, что скажут! В магазине есть работники по залу, и если они не проконтролировали и стойка упала, пусть ходят и собирают рассыпавшиеся чипсы. А неохота собирать, пусть напишут табличку «Вход с собаками и детьми запрещен». Посмотрим, кто к ним вообще тогда придет.

А ЕЩЁ ОН НЕ
КУШАЕТ ЗЕЛЁНЫЙ
ГОРОШЕК!

Есть еще одна крайность в детско-родительских отношениях: когда родители воспринимают ребенка как свою собственность. Все страдания, которые есть в мире, происходят от привязанностей. Как только у нас появляется влечение к чему-то, тут же формируется мучительное желание этим обладать. Мы хотим, чтобы обладание произошло сразу и длилось вечно, но так не бывает. И когда мы не можем получить желаемое или теряем что-то важное, то начинаем упрекать себя в том, что недостаточно сделали. Я думаю, в этом также заключается причина переживаний родителей по поводу того, что они «плохие» мамы и папы.

«Плохими» родители чувствуют себя, когда их ожидания в отношении ребенка не оправдываются, как будто они чего-то в него «недоложили». Еще задолго до рождения ребенка родители придумали, каким он будет, например высоким и красивым, сильным и смелым космонавтом. Когда у них растет невысокий и не очень отважный, но добрый, искренний и отзывчивый инженер, родители чувствуют себя обманутыми. Хотя они сами себя обманули, сформировав ожидания, которым ребенок не обязан соответствовать.

Человек рассуждает примерно так: «Если у меня родился ребенок, значит, он мой, а раз он мой, значит, должен чувствовать так, как я хочу, думать так, как я хочу, и жить так, как я хочу». Даже желая самого лучшего своим детям, будучи одержимыми мечтами о будущем для них, мы рано

или поздно столкнемся с тем, что эти планы несбыточны. От осознания этого родители становятся несчастны, а любой несчастный еще десять человек в своем окружении делает несчастными, так как будет переживать, жаловаться на ребенка, наказывать его, потом мучиться чувством вины и искать оправдания своей жестокости. И в конце концов, такой родитель превратится в воплощение ненависти, неудовлетворенности и глупости. Я хочу, чтобы вы поняли: все, что у нас есть, принадлежит нам лишь формально. Все из того, что есть у нас, мы можем потерять в любой момент. Мы на этой планете – арендаторы. И наши дети – не наша собственность, они не куклы и не пупсики. Они сами свои. Мы не имеем права ими распоряжаться, заставлять их любить нас и нравиться всем вокруг, предавая свою индивидуальность.

Перестаньте подгонять своих детей под какие-то шаблоны и пытаться сделать их удобными для использования. Перестаньте переживать, что дети не похожи на ту картинку, которую вы себе придумали. Родители – условие для проявления новой жизни, всего лишь условие. Задача родителей – создать пространство для роста, пока ребенок не окреп и не социализировался. Мы – лук, а наши дети – стрелы. Пока стрела в тетиве, мы единое целое, но через какое-то время стрелу придется отпустить, и она полетит к своей цели. Родители останутся там, где были, а ребенок вырастет, кем-то станет, уедет. Задача родителей – дать жизнь и не заби-

рать ее потом. Вырастите ребенка, который будет способен жить без вас, далеко от вас, не так, как вы. Не понимаю, когда родители со скрытой гордостью говорят о том, что ребенок уехал, помыкался один и вернулся домой. Это может произойти лишь в одном случае, когда родители не научили его к взаимодействию и игре с миром, вырастили неадекватным и не способным к ответственности за свою жизнь. Поэтому ни с кем, кроме них, ребенок в этом мире не может найти общего языка.

Пока женщины рожают детей для того, чтобы поглумиться над ними и поиграть в куклы, поддержать систему создания новых «уродов», «калек», «овец», «баранов» и невротиков, то у меня, как у психотерапевта, всегда будет работа, как и у социальных служб, центров реабилитаций и психиатрических клиник – а их целая куча! Относитесь к рождению ребенка как к появлению на планете индивидуальности, нового человека – совершенного и красивого, а совершенное и красивое не нуждается в улучшениях.

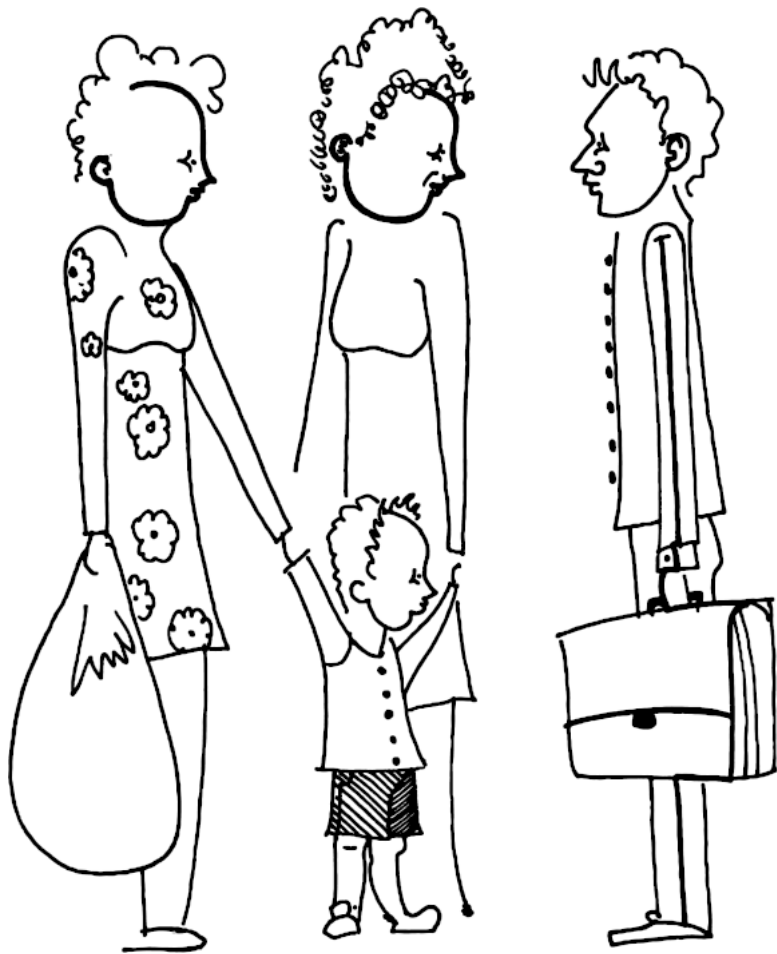
§ 1.1. Родительство

Нам кажется, что после восемнадцати лет, когда можно официально жениться, понимание ответственности за свою жизнь и жизнь своего чада придет само. Но само ничего не приходит, и, когда у нас рождается ребенок, мы просто выбираем одну из двух моделей поведения: делать так, как наши родители, или наоборот, то есть мы либо придерживаемся готовой схемы, либо пытаемся действовать ей наперекор. Если папа пил, а я решил, что пить никогда не буду, то настолько одержим трезвостью, что моему сыну хочется бухать. Если мама была проституткой, дочка станет монашкой, но если у нее родится дочь, она станет проституткой, потому что любая крайность надоедает.

С момента появления ребенка все смелые мечты и планы родителей, которые были у них в юности, куда-то исчезают и замещаются фантомами – образами мамы и папы. Человек невольно копирует речь, интонации, походку. Я сам это переживал. Когда моя первая жена родила, я в то время был студентом и летом халтурил – крыши крыл, а когда через месяц приехал, сразу увидел те перемены, которые произошли в жене. Та девочка, на которой я женился, исчезла, и в ее поведении, интонациях голоса, выражении лица вдруг проявилась моя теща. Потом я и за собой стал замечать привычки и ужимки своего отца – так во мне проснулся стерео-

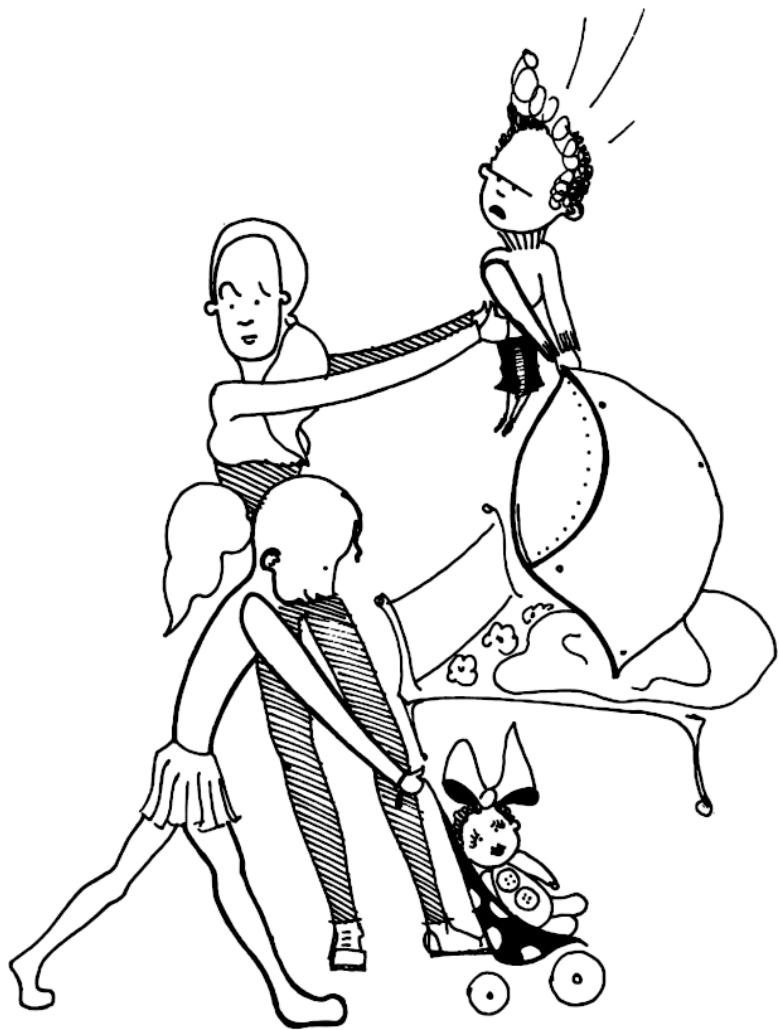
тип «папы», усвоенный мной в детстве.

Хуже всего, когда к копированию чужих моделей поведения мамы прибавляют свои воспоминания о том, как в детстве играли в куклы. Родительство – игра, но не в куклы. Быть родителем – быть в контакте с ребенком, здесь и сейчас, ведь только тогда будешь уместным и адекватным. Недавно пришла женщина: «У меня проблема. Мне с утра нужно идти на работу». – «Нужно идти на работу? Это не проблема». – «Но сначала ребенка нужно отвести в садик». – «Нужно отвести ребенка в садик? И это не проблема». – «Но она ведь не хочет вставать». – «Понятно – все с утра спать хотят. Здесь тоже нет проблемы». – «Но мне же надо ее в садик отвести». – «Надо – отводите». – «Но ведь она орет, истерит, не хочет вставать». – «Все правильно: вы ее насилуете – она орет. Это нормально. В чем проблема-то?» Проблема в том, что ребенок оказался «живой» и его реакции оказались за гранью ожиданий мамы. Куклу поднять ничего не стоит, даже с утра, взял за ногу, бросил в коляску и повез в детский сад. А ребенок – личность, индивидуальность, с ним нужно договариваться. Я пятилетней дочке говорю вечером: «Ну что, утром поставим рекорд по тому, сколько ты будешь плакать?» – «Я буду улыбаться!» – «Да ну?» Утром прибегает – улыбается.

Детей можно воспитывать через игру, договор, когда обе

стороны несут обязательства и обе выигрывают. А не можете договориться – просто поднимайте ребенка и ведите его, упирающегося, в садик, и пусть вас не смущает то, что он плачет, истерит, может разбудить соседей. С уважением относитесь к тому, что ему сейчас совершенно не хочется идти куда-то, а хочется спать, и ваша работа, на которую вам нельзя опоздать, ему совершенно безразлична, и он понятия не имеет, что это вообще такое, и потому для него ваша работа – не ценность. Не критикуя, не наказывая ребенка за его естественную реакцию, вы его отводите в детский сад, обещая вечером с ним поговорить и все ему объяснить (чем важна для вас ваша работа, зачем ему ходить в садик и прочее).

Под родительством многие понимают свою «нужность» ребенку. Я ему нужна, ведь именно я ребенка кормлю, одеваю, советы ему подаю. Разочарование наступает, когда наши ожидания не оправдываются – в отличие от пупсика, ребенок то спать не хочет, то есть, то купаться. У него есть какие-то чувства, индивидуальность, которая не хочет соответствовать нашей идее родительства, и это раздражает. И когда ребенок в 2,5 года говорит, что сам приготовит завтрак, помоем полы, постирает свою одежду, родители пугаются: «Как так? Мы еще не наигрались, а уже стали ему не нужны». Это шок для родителей. Просто они еще не родители – они играют в родителей. А потому, если не могут ребенка запугать, начинают причинять ему боль, подавлять, контролировать.

Самое большое заблуждение: если детей пугать и бить, они вырастут послушными и хорошими. Похоже на идею с коллайдером: не понятно, что будет, если удастся его запустить – может быть, весь мир взорвется, – но все равно его пытаются запустить. То же самое с родителями, они лупят ребенка, не понимая последствий, орут, не понимая последствий, не находясь здесь и сейчас, не взаимодействуя с ребенком и даже на минуту не пытаюсь его понять. Все, что он пережил, не правильно, все, что он думает, не верно. Родители делают все, чтобы ребенок почувствовал себя бесполезным, ничтожным, глупым, слабым, а потом у него начинаются проблемы – коммуникативные, эмоциональные. Мно-

гие взрослые могут вспомнить подобный же эпизод из своего детства: «Сначала родители меня подавляли, а потом я вырос, пошел в фитнес и качался, превращаясь в гору мышц, чтобы почувствовать себя сильным и снова не оказаться в ситуации маленького и ничтожного. Потом у меня родился ребенок, и что с ним делать – не совсем понятно. Я начинаю маленького человека пугать и наказывать, потому что от собственного бессилия и растерянности перед ним чувствую себя как в детстве – слабым и ничтожным, таким, от которого всю жизнь пытаюсь убежать».

Мы не можем простить детям то, что они напомнили нам, какими слабыми мы были в детстве, и это приводит к следующему алгоритму поведения.

Первый этап: мы начинаем настаивать на чем-то, и это проявляется в уговаривании, хотя мы чувствуем, что ребенок не хочет того, что мы ему предлагаем, и уговорами лишь провоцируем его на то, чтобы он сказал нам свое очередное «нет».

Второй этап: подкуп – мы пытаемся ребенка заставить проституировать за конфетку. Например, «пойдешь гулять, если сделаешь уроки».

Третий этап: шантаж – мама злится, молчит или обижается.

Четвертый этап: если и шантаж не проходит, родители переходят к угрозам.

Пятый этап: крайняя степень слабости и отчаяния роди-

телей – насилие.

Все это определяет психологические и социальные последствия у детей, которые проявятся, когда они сами станут родителями.

Нужно понять, пока мы тащим за собой пыльный мешок с обидами из своего детства, мы не можем подарить счастливое детство своим детям. С появлением детей мы потеряли право быть неудачниками, несчастными и больными. С каждым ребенком мы получаем новый повод жить, быть успешными, изобильными, радостными, предприимчивыми. Чем больше детей, тем больше поводов. Но, по стереотипному мнению, ребенок – дополнительная нагрузка к и без того нелегкой жизни. И говоря, что дети должны хорошо и счастливо жить, мы снаряжаем их на территорию, на которой сами проиграли, потому что у нас самих нет ни отваги, ни воли, ни дисциплины, ни ответственности. Чтобы дети стали ответственными, нужно самим стать ответственными. Чтобы они были успешными, нужно и самим быть успешными. Чтобы они были обязательными, нужно самим стать обязательными.

Ребенок услышит тебя, если ты ему интересен. А интересен станешь, когда у тебя появится собственная жизнь. Ты вдруг приходишь домой с большой коробкой, запираешься в комнате и клеишь самолетик – тут же все о тебе вспоминают и лезут. Или красишь губы и собираешься на свидание – сразу же вокруг толпа соберется: куда ты, что ты, с кем?

Только когда ты интересен и находишься в центре внимания, можешь донести свои идеи и повлиять. Но родители порой даже не пытаются стать интересными для детей.

Мы взяли на себя такое обязательство перед их рождением: мы изобильны, и у нас всего так много, что готовы делиться. Но если у нас всего мало, то дети – сущее наказание. Он разбил стакан, и мы говорим: «Горе ты мое! Ну в кого ты такой уродился?» Жизнь наша не удалась и не состоялась, потому что дети то пачкают, то разрушают, то роняют, то разбивают, то плохо учатся, то спать не хотят – они нас все время мучают. Мы годами формируем в них комплекс неполноценности. Всю жизнь ты даешь им понять, что, если бы не они, ты жил бы намного счастливее. И ребенок растет в контексте, что, если бы не он, ты был бы гораздо спокойнее, не такой нервный, раздражительный и озабоченный. «Единственная причина, почему в жизни папа и мама не сошлись, – это я. Я их мучаю, терроризирую, тревожу, расстраиваю», – маленький ребенок несет этот громадный крест за чужое несчастье. Раз тащит на себе – ему тяжело. Чтобы его этот крест не раздавил, он начинает врать, придумывать всякие истории, оправдания или просто уходит (из дома или из жизни).

Самая подлая манипуляция ребенком звучит так: «Это я тебе купила на последние деньги. Мне ничего не надо». Цель – сделать ребенка зависимым, должным, а если еще глубже посмотреть – я не живу и тебе не дам. Любовь – это не жертвы, не контроль, не ревность, а свобода. Жертвенная любовь – обычная лажа. В жертвенности нет любви – в жертвенно-

сти есть страдания. Мы не можем пожертвовать своей жизнью для ребенка. Мы говорим так, когда у нас и этой самой жизни нет, и жертвовать нечем. Иногда мама больше ничего не умеет, кроме как играть роль «мамы». Что ей делать, если ребенок стал самостоятельным? Она без работы останется. И поэтому когда у ребенка проблемы, она радуется – она снова значима, нужна и хочет, чтобы ее за это любили.

В нашем родительском высокомерии мы считаем, что дети должны нас любить. Дети не должны. И когда бы они могли успеть задолжать? Когда у вас появился ребенок – это была ваша личная инициатива. Они вас за это любить не обязаны. Я помню, как мы с женой вернулись из гостей, а нашей дочери тогда было года два. Мы приехали ночью, заходим домой – дочка проснулась, жена ее позвала спать вместе с нами, а та говорит: «Нет, я лучше с няней Викой спать пойду». И ушла. Жене стало очень обидно, что дочь ее не любит, а я тогда спросил ее: «А ты ее любишь?» – «Люблю». – «Замечательно, значит, в твоей жизни есть любовь. Вот и люби. А дочь сегодня любит Вику, завтра Петю, а потом выйдет замуж за Валеру и уедет из дома». Дети не должны нас любить. Они могут нас любить. А могут и не любить. И все равно при этом они остаются нашими детьми. Точно так же, как некоторые заводят много детей, мечтая, что в старости будут сидеть такие «доны карлеоне» в своих домах, а по выходным к ним будут приезжать дети с семьями, спрашивать совета, почитать и уважать. Но ведь дети могут вырасти и не приез-

жать в родительский дом никогда. В понимании и принятии этого и заключена родительская любовь.

Если быть честными, ты будешь любить своего ребенка в любом случае – двойки он получает или пятерки, состоялся в жизни или не состоялся, 30 лет прожил или 130, стал нобелевским лауреатом или вором... Какая разница? Он твой ребенок. Куда ты от этого денешься? А некоторые мамы используют такой ход: «Сынок, ты был маленьким, и я за тебя отвечала, а сейчас ты взрослый, сам за себя отвечай». Это мама так обиделась, закапризничала, потому что на самом деле это вранье, и где бы он ни жил, с кем бы он ни жил, ты всегда за него отвечала, и он всегда будет для тебя важным. Так сделай так, чтобы твой ребенок научился отвечать за свои собственные поступки, за свою собственную жизнь. Паркуясь, ты так ставишь машину, чтобы ее не стукнули и не угнали, потому что несешь за нее ответственность, даже когда в ней не находишься. И ребенка надо так воспитать, чтобы с ним потом в жизни ничего не случилось, даже если тебя рядом нет. Это и будет твоей родительской ответственностью перед ним. Это и будет любовь.

Родительство – это волшебство и чудо. Мы иногда забываем, что этот маленький человек не кукла, у него душа есть, индивидуальность. И он не твой, а сам свой. Это не твоя собственность. Ты – всего лишь условие, чтобы рядом с тобой расцвело нечто. У меня есть знакомый. Когда он родился, сразу стал сильнее, мощнее родителей. Они приняли его ин-

дивидуальность, потому что с ним невозможно было ничего сделать – он все равно добивался своего. Родителям проще было оставить его в покое, не лезть, не вмешиваться, не подавлять внутреннюю силу, а по возможности просто направлять. И вырос человек, который не верит ни в какие препятствия. Ему было все равно, куда идти за деньгами – к Росселю, Ельцину, – ему открывались любые двери. Проработав в России с дикой рентабельностью и купив все, о чем можно было мечтать, он переехал в Америку, затем в Австралию, сейчас живет в Канаде. В нем нет наглости и хождения по головам, только решительность, напор, отсутствие сомнений, внутренняя центрированность, чутье. В нем нет страха, который передают нам наши неудачливые родители.

«Быть родителем – это растить ребенка», – говорят некоторые. Как ты его растишь? За волосы тянешь вверх? Быть родителем – значит не уменьшать ребенка каждый раз, а делать его больше, чтобы он развивался в социальном плане, духовном, физическом. С моей старшей дочерью у меня связан полный глубоких переживаний случай, который я помню до сих пор. Она была маленькой, и я выкинул осколки бутылочного стекла, которые она хранила, – оказалось, что это были ее брильянты, дочь долго копила вкладыши от жвачки (отдала этому целый год своей жизни), чтобы обменять на эти стекляшки. Они были для нее ценностью. Как я отнесся к этому? Поверхностно. Для меня эта груда стекла была ценной? Нет. Я тратил силы, чтобы она появилась у меня?

Нет. Самое ужасное, когда дочка стала плакать, я, вместо того чтобы извиниться за то, что полез в ее вещи, стал говорить какую-то ерунду: «И нечего сюда носить стекла с помойки, там микробы, грязь...»

Проще отмахнуться, чем понять суть ценности, которой ребенок дорожит. Еще сложнее осознать это и извиниться. Для того чтобы попросить прощения у ребенка, нужно переступить через свое родительское эго, а на это не каждый способен. Цепочка такого пренебрежения приводит к тому, что дети вырастают, уходят из родительского дома и больше туда не возвращаются. Потому что, если ты не посеял, не будет урожая, а если посеял не то, невозможно вернуться во времени, сделать другой посев и получить другие плоды. И совершенно бесполезно смотреть с болью, сожалением, упреками, подозрением в прошлое и говорить: «надо было в свое время». Когда люди думают о прошлом, им кажется, что тем самым они заботятся о будущем. Это не так. Самый важный момент – тот, в котором мы присутствуем. Делаем новый посев – получаем возможность получить новый урожай. Не гарантию, а всего лишь возможность. И не важно, сколько лет нашим детям, здесь и сейчас нужно что-то предпринять, и тогда возможно любое будущее.

ВОПРОСЫ

Почему ребенок называет себя по имени? Например,

он может сказать про себя: «Тема хочет пить». С чем это может быть связано?

Есть такое понятие – стадия «зеркала». Сначала ребенок видит себя словно в зеркале, но постепенно происходит перенос, и он перестает говорить о себе в третьем лице. Порой, называя себя по имени, ребенок имеет в виду ту часть себя, которую родители принимают и как-то называют. При этом он знает, что есть еще одна часть, которую они не принимают, ругают и наказывают, то есть та часть, которая не нужна им. Ее-то он и не называет своим именем, потому что она родителями не востребована. Ребенок чувствует, что когда он делает так, как родителям нравится, он Тема, а когда так, как нравится ему, – он не Тема, а сам свой. Когда родители начнут принимать его всего, без оговорок, он станет цельным и перестанет делить себя на такого, какой он нужен маме, и такого, какой он маме не нужен.

Иногда ребенок в семье словно «белая ворона», например в семье юристов сын становится артистом или клоуном. Почему так случается? Это отсутствие воспитания?

Это отсутствие не воспитания, а подавления индивидуальности ребенка. Не всегда это следствие сознательного выбора родителей, которые признают в своем ребенке уникальность и неповторимость и предоставляют ему право быть тем, кем он захочет. Чаще отсутствие подавления со стороны успешных родителей лишь следствие того, что они слышат

ком заняты работой и им просто некогда «лепить» из ребенка какой-то задуманный образ. Такому ребенку просто «повезло» – его родители не были с ним постоянно, не внушали ему свои комплексы и стереотипы, не придавали нужную форму и потому, сами того не желая, стали лучшими родителями, какие только могут быть. И вырос человек, который знает, чего хочет, знает, что у него получается лучше всего, и делает это. Повезло ему. Бывает.

Когда с ребенком можно говорить о деньгах?

Говорить на эту тему стоит тогда, когда у ребенка появляется к ней интерес, когда он начинает задавать вопросы. Делать из денег культ и самоцель – глупо. Обесценивать и врать, что они не нужны, – тоже глупо. Научите детей тому, что деньги – это энергия. Ты что-то сделал, создал ценность, которая кому-то нравится, это у тебя покупают, дают тебе деньги, и ты можешь ими свободно распоряжаться. То есть ты получаешь энергию и можешь направить ее в любое русло, но прежде должен создать то, что люди будут ценить, за что будут готовы платить тебе. Моя дочь однажды сказала мне: «Пойдем, купим куклу». – «А где возьмем деньги?» – «У мамы». – «А у нее деньги откуда?» – «На работе берет». – «А там откуда?» – «Стрижет людей». – «Не просто стрижет. Мама так их стрижет, что им очень нравится, и они готовы платить и приходить к ней еще». И теперь моя дочь знает: для того, чтобы у нее были деньги, ей нужно что-то создать.

Как привить ребенку понимание ценности денег, если у него обеспеченная семья?

Совершенно точно, что понимание ценности не прививается путем отказов. Часто обеспеченные родители не покупают ребенку дорогую игрушку под предлогом «дорого» – это лицемерие, и так ценности не формируются. Просто родители, у которых есть деньги, демонстрируют свою власть ребенку, у которого их еще нет, и таким образом провоцируют его на то, чтобы он умолял, просил, уговаривал, что-то обещал, пока они упиваются своей важностью, нужностью и незаменимостью. Нельзя отказывать ребенку, исходя из одной цены. Удивительное явление – дуализм, когда люди все хотят поделить на «хорошо и плохо», «добро и зло», «дорого и дешево». Важно только одно – ценно это для тебя или нет. Если тебе что-то надо, оно не может быть дорогим. Ты можешь просто мало зарабатывать. Поэтому когда ребенок что-то просит у вас, поговорите с ним, спросите: «А зачем тебе это нужно? Что ты хочешь с этим делать? Почему именно сейчас?» Тогда вам будет ясно, зачем ему эта вещь, и вы сможете решить, участвовать вам в этом или нет. Вы будете уместны и адекватны, в отличие от родителей, которые играют в заботливых маму и папу, отказывая ребенку ради того, чтобы соседи похвалили: «Богатые, а детей не балуют! Молодцы!»

Вовлекайте детей в зарабатывание денег, как в игру, которая открывает массу возможностей. Например, моя мама

так говорила: «Накормить – накормим. А на излишества сам зарабатывай». Она помогла мне устроиться на работу и не отбирала у меня заработанные мною деньги. Поэтому я точно знал, что работать – это супер. Другое дело, что не все обеспеченные родители хотят, чтобы их дети могли зарабатывать, потому что так теряется их зависимость от мамы с папой. У таких родителей чаще вырастают невротики, которые думают, что без папы они вообще никто. Но и у олигархов порой вырастают дети, которые посылают подальше родителей с их деньгами, потому что знают, что способны зарабатывать столько, сколько потребуется. И олигархи чувствуют себя обманутыми, когда строят детям квартиры, в которых те отказываются жить, и начинают на детей обижаться. На что обижаться, если ребенок оказался неудобным для манипулирования и самостоятельным, а не овцой и не бараном? Радоваться надо.

Моему сыну нравятся только японские аниме, но я не могу сказать, что мне это тоже интересно. Когда он пытается со мной их обсудить, мне правда скучно говорить и слушать об этом. Я пыталась вникнуть – не получается. А так хочется, чтобы с сыном было что-то общее.

У вас с сыном общая жизнь, а увлечения могут быть разными. Например, моя жена парикмахер, а я – тренер. У нас разные увлечения, приоритеты, ценности, мы по-разному смотрим на мир. Я не рассказываю ей про мотоциклы, а она

мне про красители для волос – у нас много других интересных тем. Примите то, что вашему сыну интересны мультики. Не критикуйте их и не пытайтесь полюбить их, как он. Просто не отталкивайте его, когда он хочет поделиться с вами своими открытиями. Моя дочь тоже мне рассказывает про своих друзей из садика, хотя я даже не видел их никогда, но я понимаю, что в тот момент, когда она обсуждает их со мной, ей очень хочется с кем-то поделиться, потому что у нее нет друга, которому бы она могла это рассказать. Я выслушиваю, киваю головой, не критикую, не даю советов, если дочь не просит. И от вас ничего не требуется. Достаточно того, что вы выслушаете сына. Проблема в том, что вы считаете: раз вы – мама, то должны постоянно говорить ребенку что-то очень важное, какие-то умные и нужные вещи. Мы боимся общаться с детьми, так как нам кажется, если ребенок что-то расскажет, то нам тоже обязательно нужно будет что-то рассказывать, а нам – нечего. Вот мы и уходим от контакта. Ничего из того, что вы придумали, ребенку не нужно. Просто побудьте с ним. Это подобно тому, как вы приезжаете к своим родителям и они вам дают три банки огурцов и два ведра картошки из погреба. Понятно, что вы все это можете в магазине купить, но возьмите и огурцы, и картошку, поймите, родители хотят быть вам чем-то полезными. Дайте им эту возможность.

Мы с мужем решили, что будем выдавать детям по пятьсот рублей в неделю. Но иногда просто нет денег.

Я не знаю, можно ли сказать детям, что денег нет, или уговор дороже и если мы пообещали, то должны обеспечивать обещанную сумму?

Когда вы принимаете решение о том, что будете давать детям по пятьсот рублей в неделю, задумайтесь сначала: а у вас каждую неделю есть такая возможность или не каждую? Если пятьсот рублей появляются раз в три года, не надо детям ничего обещать. А если пообещали, постарайтесь выполнять свое обязательство.

Мне нужно поехать по делам, дочь оставить не с кем, а со мной она ехать не хочет. Понятно, что завлечь лучше, чем заставить, но иногда совершенно нет желания что-то из себя изображать, придумывать, какая будет интересная и увлекательная поездка и прочее. Можно ли действовать директивно?

Когда есть возможность договориться, обязательно договаривайтесь. Если такой возможности нет, но ехать необходимо, не играйте, не притворяйтесь – будьте честными. Примите тот факт, что возможности договориться нет, и начинайте действовать решительно и директивно – взяли ребенка, посадили в машину и поехали. Объясните ему, что капризничать и плакать бесполезно, все равно придется ехать, и через какое-то время ребенок будет знать, что капризничать действительно бесполезно, и перестанет это делать.

Как научить ребенка правильно питаться? То, что мы с мужем едим, ей не нравится, то есть научить своим

примером не получается. У меня остается один выход – быть жесткой?

То, что вы ребенку навязываете, ему точно не понравится – это нормально. Учить своим примером – значит, делать что-то не на публику, а просто потому, что самому нравится. Я всегда ем только то, что сам люблю, а не то, что врачи рекомендуют или еще кто. Дочь подходит ко мне: «Бабушка сказала, что йогурт – это полезно». – «А тебе самой нравится?» – «Да». – «Это самое главное». Я девальвирую такие понятия, как «полезно» или «вредно», чтобы дочь выбирала то, что ей самой нравится, потому что нет «правильного питания» – все зависит от того, кто сегодня продает продукты. Пристрастия детей могут не совпадать с родительскими, и нет никаких универсальных ценностей. Даже утверждение, что каши полезны, иногда дает сбой, и оказывается, что не всем они полезны. Неужели, если восьмидесяти процентам людей что-то полезно, остальные двадцать должны терпеть и есть это? Питание очень индивидуально. Предлагайте ребенку выбор и смотрите, что он выберет, к чему его душа лежит. Втянуть в «здоровое питание» невозможно, можно лишь увлечь. Не хотите, чтобы ребенок пил кока-колу и ел пиццу, не держите этого дома. Я не запрещаю пить кока-колу дочери, но сам ее не пью никогда и даже ни разу не покупал. Покажите ценность той еды, которую вы предпочитаете, доносите значимо, насколько важно так питаться, рассказывайте, знакомьте, придумывайте увлекательную сказ-

ку про правильное питание. Покажите толстую тетку: «Хочешь быть такой?» – «Нет». – «Тогда не ешь пиццу восемь раз в день». Через наглядность, через ясность вы достигнете большего, чем через запреты. Запреты дают другой эффект – влюбленность в то, что вы ненавидите. Будете заставлять – получите сопротивление. Поэтому родители удивляются, что дома дети едят «правильно», а потом уезжают учиться, живут самостоятельно и начинают питаться только кока-колой и пиццей. Все потому, что, когда они жили дома, родители их заставляли притворяться и пичкали своей едой.

Как внедрить в семье дисциплину как образ жизни? С одной стороны, все уникальные и индивидуальные, но с другой – не хочется, чтобы семейная жизнь превращалась в хаос. Как завести какие-то общие правила, традиции?

Дисциплина не подавляет уникальность. Дисциплина – это необходимое условие существования. Дисциплина жизни – дышать. Не будешь дышать – помрешь, а это не обсуждается, а просто принимается и исполняется легко. В семье то же самое. Если есть правила, но они не исполняются легко и просто, значит, они не стали дисциплиной и не приняты членами семьи как ценность. Создать семейные традиции и сделать из семьи клан – это духовная работа, благородная и большая задача. Для начала нужно внести ясность – объяснить, зачем это все, чтобы было четко понятно, в чем выигрыш следования этим правилам. Дисциплина не может су-

ществовать как беспрекословное подчинение – только как необходимое условие. В своей семье я завел традиции принятия, уважения, любви, и все члены семьи знают, что, если человек занят, нельзя ему мешать – он освободится и подойдет. У нас существует такая договоренность, и она не нарушается. Например, все знают, если сейчас со мной поговорить не удастся, это не значит, что не удастся никогда. Я сделаю то, что мне необходимо, и (даже если все уже забыли) сам подойду, напомню и спрошу, что от меня хотели.

Во многих семьях родители стремятся завести традицию домашней встречи Нового года. Но навязать традицию невозможно – она может быть только создана. Если с вами интересно, если домашние праздники всегда проходят торжественно, есть атмосфера соединенности, совместности, открытости, контакта – традиция приживется. Если есть принятие, уважение, интерес к общению между членами семьи, то все придет к вам на Новый год, не сомневайтесь.

Где грань для родительского вмешательства или невмешательства? Есть ли в ребенке мудрость, чтобы предотвратить несчастный случай?

Несчастный случай – это форма ухода из этой жизни, от родителей. Вода, огонь или таблетки – не это причина. Причина случилась гораздо раньше и глубже. Способы ухода могут быть разные – мы обвиняем микробы, стекла, водоемы, но, поверьте, все это лишь способы уйти из жизни, а не причины уйти из нее. Если вашему ребенку нравится жизнь

и нравится жить, если он видит потенциально возможное для себя и понимает, как это воплотить, поверьте, никакое несчастье с ним не случится.

Мне трудно с вами согласиться. Я хорошо помню, как меня мама прутиком выстегала в пять лет за то, что мы играли в песчаном карьере. Теперь я понимаю, что она была права – мы были маленькими и не понимали того, что нас могло засыпать.

А могло и не засыпать. С нами в любой момент может случиться что угодно. Мы можем поскользнуться и умереть в собственной ванне. И что теперь?

Я хочу поговорить о том, как привить ребенку какие-то опорные сигналы – это опасно, это не опасно. Чтобы он различал.

Самое опасное для жизни – это собственно жизнь и есть. Мы живем, а потом умираем.

Я вам про осторожность, а не про это...

Осторожность – это ваши страхи за ребенка. Вы боитесь, запрещаете, но запретами только порождаете в нем дополнительное любопытство. Никогда запрет ничего не запрещал по-настоящему, а лишь провоцировал и побуждал к действию. Вы запретили, и ребенок, пусть втихую, но все равно сделает, а иначе не успокоится. Я хочу, чтобы вы знали, что вы запрещаете, за что наказываете своих детей. Действительно ли что-то угрожает жизни ребенка, или за вашими опа-

сениями стоят ваши личные страхи, предположения, опасения, фантазии – одним словом, паранойя.

Почему паранойя-то? На предприятиях существует целая наука охраны труда. Почему? Потому что есть статистика несчастных случаев, и рабочим стараются объяснить, какие их действия могут привести к травмам или смерти. Мне кажется, точно так же и до ребенка нужно донести, что для него может быть опасно. Мне трудно принять, что у него есть внутренняя мудрость, которая поможет ему избежать опасности...

Все видели детей-беспризорников, которые гуляют одни по улицам и каждый день подвергаются множеству опасностей, даже понятия о них не имея. Мы можем спорить здесь до бесконечности – у вас много примеров, у меня их столько же. Я просто хочу, чтобы вы стали осознанными родителями и не руководствовались такими понятиями, как «правильно-неправильно», «хорошо-плохо». Будьте адекватными. Не наказывайте и не запрещайте, если вы не понимаете, за что наказываете или что запрещаете. Чаще всего вы запрещаете не потому, что переживаете за ребенка, а потому, что хотите хорошо выглядеть в глазах окружающих, потому, что вам неудобно за ребенка перед другими. И страх ваш гипертрофированный за жизнь ребенка происходит от мысли: «Как же я буду выглядеть, если мой ребенок погибнет?» Ведь все придут и скажут: «Какая же ты плохая мать!» Это и заставляет нас орать на детей: «Хватит! Перестань! Опасно! Не тро-

гай!»

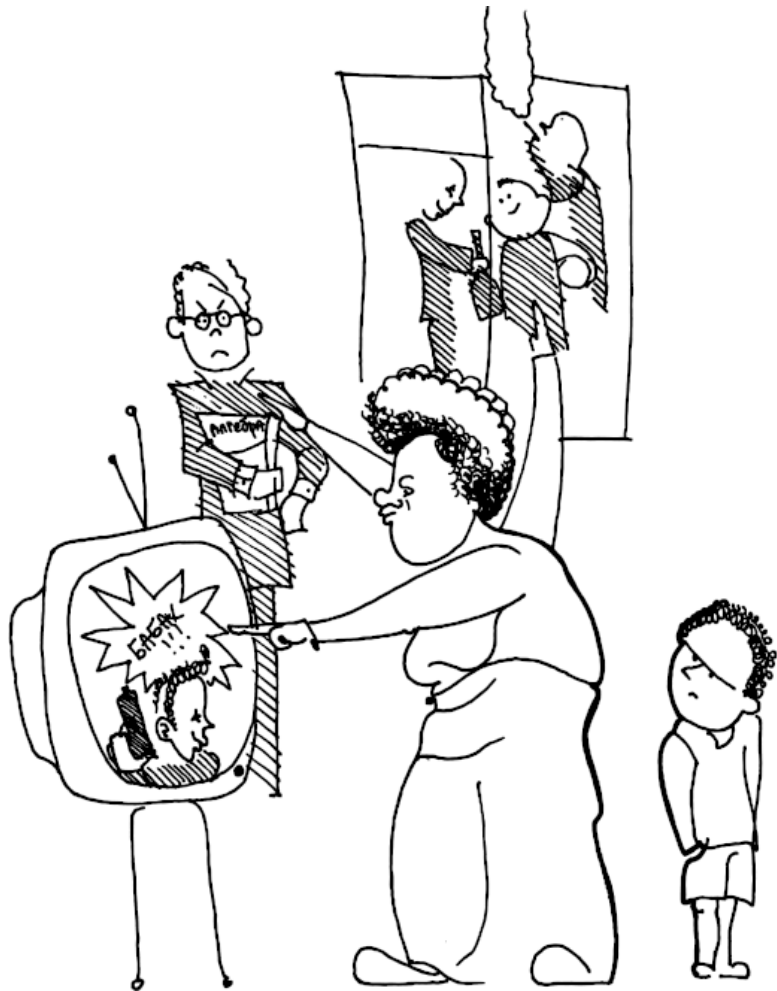
§ 1.2. Норма

Легко быть правильным, опираясь на прошлый опыт, чужие рецепты и чужие модели поведения. Поступая так, мы будем правы в глазах окружающих людей, но, скорее всего, вряд ли счастливы. У нас есть два способа жизни – либо прав, либо счастлив. Счастливым человек становится, когда он видит и четко понимает, что ему нужно делать здесь и сейчас, и делает это. И тут же, в зависимости от того, с чем или с кем он взаимодействует, появляется отдача и благодарность. Использование в любой ситуации, независимо от контекста, чужих готовых «правильных» моделей – показатель того, что человек просто не понимает, что происходит, что это значит для него лично и как действовать, чтобы быть уместным, необходимым и достаточным. Нечто новое, только что рожденное, уникальное и ни на что не похожее человек пытается втиснуть в старый, известный шаблон, а это никогда не удается без агрессии, злости, да и эффект дает временный и незначительный. И тогда жизнь кажется несчастливой, бесполезной, ведь все наши вложения дают пустой результат.

Многие родители ищут понятие «нормы» и хотят быть «правильными» в глазах окружающих людей. Но это паранойя, потому что окружающим мы безразличны – они идут по своим делам, думая о своем, и зачастую даже не замечают нас. А нам кажется, что все на нас смотрят, и тогда мы иг-

раем для прохожих свой спектакль под названием «Я – хороший родитель», теряя при этом своих детей, их доверие, теряя способность быть точным и мудрым.

Считается, что быть родителем – значит выполнять некие нормы и правила, чтобы соответствовать требованиям общества, требованиям, непонятно кем и когда сформулированным и уже давно неактуальным. Но второй участник детско-родительских отношений – не общество, а ребенок, хотя его как раз в расчет не берут, потому что он «маленький и несмышленный». Родители стараются выглядеть «хорошо» в глазах окружающих и теряют контакт с детьми, а значит, теряют и способность влиять на детей. Самые «хорошие» и «правильные» родители – у наркоманов. Поверьте, это самые внимательные, заботливые и жертвенные мамы. Однажды ко мне на консультацию приходила женщина – очень «правильная мама». Ее муж повесился, старший сын – в тюрьме, дочь – на панели, а младший сын – наркоман. Она возмущалась и топала ногами, обвиняя школьных педагогов, общество, наркотики, плохих друзей во дворе, фильмы, само время. Она во всем права, но от ее правоты муж сбежал на тот свет, а дети – на улицу. Эта мама похожа на нейтронную бомбу, потому что ее правота сделала вокруг нее тотальную зачистку, не оставив никого из живых. Потому что всем близким этой женщины хорошо где угодно, только не с ней.

Иногда ко мне приходят на консультацию женщины, которые собираются стать мамами, но у них не получается, им ставят диагноз «бесплодие», хотя соматически они здоровы. Я спрашиваю у таких женщин: «А зачем вам ребенок? Кто вам сказал, что он вам нужен?» И на этот вопрос они обижаются, считая его глупым: «Ребенок мне нужен для того, чтобы о нем заботиться, жалеть его, воспитывать, нянчить, лечить, когда он будет болеть...» И сам ответ свидетельствует о том, что будущая мама уже спроектировала ребенка как некоего беспомощного, требующего постоянного ее внимания существа, которое будет по маме скучать и тосковать. Тогда я задаю вопрос: «А если ваш ребенок родится не инвалидом, а здоровым, смышленным, любознательным и креативным? Если он не будет нуждаться в вашей помощи и в том внимании, которое вы, еще не родив его, уже приготовили для него? Он может разочаровать вас своей самостоятельностью. И что тогда?»

Дети, эти индивидуальности, неповторимости и шедевры, родившись, попадают в некую форму представлений родителей о том, как все должно быть «правильно». И к этому «правильному» добавляется нечто не получившееся и не случившееся у самих родителей. То, о чем они сожалеют, то к чему им самим не хватает мужества приступить, сделать, завершить что-то собственное недоделанное, возможно в их детстве встретившее сопротивление родителей. И сейчас, будучи взрослыми, они до сих пор не решаются это завершить,

доделать, пытаясь воплотить через своих детей. Увидеть, так сказать, со стороны, не рискуя. Сделать такой эксперимент: «А что бы было, если бы я это сделал?» Например: «Зря я не окончил английскую школу или правильно, что не окончил? Отправлю туда своего сына – посмотрю, что из него получится». И воспитание похоже на испытание, пытанье, пытку. Вы не танцевали в детстве – идите и танцуйте, не пели – идите и пойте, не играли в теннис – идите и играйте. Дети-то здесь при чем? Это ваши желания, ваши несостоявшиеся проекты – реализовывайте их сами, если хотите.

Очень часто женщина, разочарованная своим браком, пытается вырастить сына с такими качествами характера, которых ей не хватало в муже. То есть муж оказался не принцем, зато сын будет тем самым «правильным» принцем, которого она всю жизнь ждала. И у папы могут быть какие-то виды на ребенка: чтобы сын стал знаменитым футболистом, а дочь – переводчиком с пяти языков. Ребенок рождается в среде уже неких требований и ожиданий на него, которые настолько захватывают родителей, что на уникальность ребенка внимания уже не хватает. Родители навязывают свои идеи, совершенно не соотнося их со способностями и желаниями детей.

Родители придумывают себе социально оправданный проект для ребенка: чтобы он лечил людей или выступал по телевизору, чтобы обязательно занимался общественно-полезным и общественно-признанным делом и чтобы соседи приходили и говорили: «Какого сына воспитали!» А если ре-

бенок занимается чем-то для души, но в обществе эта профессия не считается престижной и полезной, то родители начинают терроризировать его: «Не тем делом занимаешься!» Я не о том, что ребенок должен выбрать не социально ориентированную профессию, чтобы сохранить свою уникальность и индивидуальность. Я о том, что родителям не нужно внушать детям свои представления о «правильных» и «неправильных» профессиях: «Вот стал бы ты врачом, я бы тогда тобой гордился». Главное не то, что он станет врачом и будет лечить людей. Важнее, чтобы он делал что-то с душой, искренне, не на оценку, не за похвалу, не за любовь родителей, а для себя самого, потому что он сам без этого жить не может. Что бы ребенок ни выбрал, будьте в поддержке, будьте рядом, а если нужно, то и защищайте его выбор перед теми, кто его осудит.

Желание воспитать «правильно» происходит от страха перед ошибкой и возможным стыдом перед обществом, что вырастили кого-то не того. Это не потому, что общество действительно может осудить – мы сами себя заранее судим, и главным в воспитании детей выбираем следующее: сделать все правильно, хорошо, соответственно идеалам (не понятно, правда, кем и когда созданным). В самом воспитании прослеживается озабоченность родителей собственным имиджем – как бы не стать виноватым, как бы не облажаться. Ведь очень хочется вырастить такого ребенка, чтобы все сразу увидели, какая ты хорошая мать. Тогда вся твоя жерт-

венность и все твои мучения не напрасны, и можно списать свою неудавшуюся жизнь на то, что ты посвятила ее своему сыну, он вырос таким «хорошим» человеком, а значит, ты не зря отказалась от своей собственной жизни и не состоялась как «подруга», «любовница», «жена», «профессионал».

Воспитание детей у озабоченных общественным мнением мам сводится к чему-то идейно-правильному. Они не ориентируются на самого ребенка, на его потенциал, на то, кто он такой, что он за человек, что за личность. Мама видит своего ребенка каким-то «пластилиновым», считая, что ему можно придать идеальную форму, соответствующую ожиданиям окружающих. А потом оказывается, что все эти идеалы – «мертвые» и давно не работают, и ребенок, напичканный ими, выходит в мир и становится в нем неадекватным. Вы слышали когда-нибудь, чтобы родители сказали своему ребенку: «Деньги – это здорово. Посмотри, как живут бизнесмены – учись у них, открывай свое дело, начинай предпринимать». Этого же не говорят. Наоборот, родители пытаются оставить ребенка в сказке, поддерживая его инфантильность и капризность. Потому что если ребенок слабый, все время плачет и не может без них и шагу ступить, то у этих самых родителей появляется смысл в жизни: «Мы хоть кому-то нужны».

Ребенок, будучи несамостоятельным и испытывая давление со стороны родителей, очень долгий период даже не решается выразить протест, не может добиться чего-либо, заявить миру о своей индивидуальности. Не имея ни средств к существованию, ни возможности жить отдельно, ни поддержки друзей, он остается один на один с родителями, бабушками и дедушками – взрослыми людьми, каждый из ко-

торых наделен какими-то правами на ребенка и имеет на него свои планы. Гюго в романе «Человек, который смеется» рассказывал о компрачикосах (по-испански – «скупщик детей»), которые ворованных младенцев превращали в уродов (заковывали какие-то части их тел в колодки, чтобы при развитии пропорции нарушались) и потом продавали как развлечение (шутов) при дворах. Социальное воспитание в чем-то напоминает действия компрачикосов: когда некоторые части личности ребенка мы зажимаем в тиски, препятствуя естественному развитию, то как бы кастрируем его, лишая внутренней гармонии.

Ребенок может и погибнуть, когда у него нет условий, способов и шансов реализоваться. Это осознается им не на интеллектуальном уровне, а на природном, и тогда он выбирает «не жить» – умереть или заболеть. Только в первый год ребенок получает мощную поддержку от родителей. Первые шаги, первые слова, первый раз сходил на горшок – все это поощряется и вызывает у взрослых бурю эмоций, поэтому после рождения дети так быстро развиваются. Потом, когда в полтора года ребенок заявляет, что все будет делать сам («сам приготовлю, сам стираю, сам подмету»), его развитие начинают тормозить родители.

Детская готовность к риску и безбашенность, активность и участие в жизни этого мира, желание влиять, созидать, создавать пугает инертных родителей. Они начинают запрещать, рассказывать о каких-то дурацких последствиях, кото-

рых сами никогда не встречали и не видели. Тут же включается оценка и страх: «плохой», «нехороший», «можешь заболеть». Родители боятся, что будут ребенку не нужны, и пытаются запугать его – разобьешь, не умеешь, испортишь, сломаешь. Он настаивает на своем – родители его сначала подкупают, а если это не работает, начинаются запугивания и расправы. Так формируются Страх Страх и Страх Боли, которые парализуют ребенка и делают его безынициативным. Кроме того, он растет с ощущением, что вещи, продукты и соседи – все внешнее – для родителей важнее, чем проявления его индивидуальности.

«Хорошие дети» – это «мертвые» дети, индивидуальность, интуицию, креативность, радость, спонтанность, предприимчивость, страстность которых удалось убить. Это напуганные дети, потерявшие детство, потерявшие источник жизни. «Живые» дети всегда беспредельные, постоянно за рамками нашего понимания целесообразности, нужности, правильности и потому хорошими быть не могут – они будут нас доставать, раздражать, беспокоить непонятными нам выходками и идеями. Ведь дети способны на абсурдные, с нашей точки зрения, вещи: превращать стулья в самолеты, бумажки – в деньги, стекляшки – в бриллианты. А мы этого не понимаем, понять не хотим и сразу запрещаем, на всякий случай, пытаясь навести порядок в темной комнате: «Нельзя! Бабушка заберет» – «Почему нельзя-то?» – «И нечего». – «А что я такого сделал?» – «Нельзя, и все. Вырастешь – пой-

мешь. Рано что-то возражать начал!»

Помню, как одну маму, пришедшую ко мне на консультацию, я попросил написать заявку на «хорошего сына», и она на полном серьезе стала писать, мол, хочу, чтобы он так делал, так говорил, так поступал.

И это не исключение – я часто сталкивался с родителями, которые «играют» в родителей, а потом «игрушка» ломается, и они идут к психологу: «Отремонтируйте мне его. Я воспитывала, воспитывала, а ребенок вдруг перестал воспитываться и стал неудобным для использования, неуправляемым, беспокойным, бестолочью и паразитом». При этом мама уверена, у нее-то все хорошо, это только с ребенком что-то не так. Поэтому в первую очередь я консультирую маму, а потом занимаюсь ребенком, и если до мамы не дойдет, то ребенка лечить бессмысленно. Когда с такими мамами общаешься, появляется ощущение, что единственное их желание – как можно быстрее убить в детях их индивидуальность и сделать из них удобных для управления карманных роботов. Захотел поиграться – включил игрушку, пропало желание – выключил. Хорошо, что до той мамы очень быстро дошло, что получить ребенка по заявке невозможно. Это будет уже не ребенок, а кукла.

Я постоянно повторяю: учитеесь у детей жить. Пришел мужчина на консультацию: «Не знаю, как быть – проблемы, все плохо...» Я говорю: «У тебя же есть сын?» – «Да, ему полтора года». – «Расскажи про него. Как он просыпа-

ется?» – «Глаза открывает и так: „О-о-о!“» – «А как он засыпает?» – «С чипсом во рту. Как только до постели доползет, так отрубон полный». У каждого из нас дома есть такой маленький мудрец и учитель жизни. В отличие от взрослых, дети еще на хапанули подлости, интриг, вранья, боли, страха, предательства, продажности – это единственное, чего они не знают о жизни. Хочешь снова научиться жить – смотри на своего ребенка и учись. Он умеет жить, а ты уже забыл, что это значит. Ему все по барабану, а ты обусловлен. Он живет и играет в полную силу, а ты отмороженный и ленивый. Оставил дома телефон – теперь он может оказаться где угодно: в стиральной машине, в унитазе. Так дети пытаются сделать нас осознанными, ответственными, включенными в жизнь, тренировка для родителей – супер.

Дети возвращают нас к жизни, а мы их бьем за то, что чувствуем в себе неспособность жить – это в нас утрачено, забито, и нам кажется, что мы уже никогда не сможем так, как они. Сможем. Учитесь у детей жить, пока они еще не стали «мертвыми». К пяти годам 30 процентов детей уже «мертвы», после школы – 70, после института «в живых» остается лишь 12 процентов. Посмотрите, сколько людей после окончания института состоялись. Где все остальные? Сидели вместе, учились в одной группе, слушали одних и тех же профессоров. Куда они делись-то? Куда денутся ваши дети, когда вырастут? Никуда не денутся, если не будете с детства им вдалбливать про норму и про то, какими надо быть. То-

гда они останутся «живыми» и будут удивлять, будут участниками жизни и станут успешными.

Быть родителями – значит присутствовать, осознавать и четко видеть свою роль и свое место рядом с этим чудом, которое родилось, и создавать условия и пространство для его развития и роста. Там, внутри, в своем центре мы рождаемся с неким потенциалом, внутренней напряженностью. И вот этот потенциал, проект, задумка природы, которая в нас есть, ищет пути к реализации и сталкивается с мощным препятствием – шаблонами и ожиданиями родителей. Потому что родители тоже этот потенциал в себе когда-то чувствовали, но утратили в детстве под воздействием тех же методов воспитания, которые практикуют теперь на собственных детях. И вместо того чтобы начать жить, вспомнить о том, что в них когда-то было, сами боятся и начинают пугать детей: «им что, все теперь можно, что ли», «ничего, мы терпели, и ты потерпишь», «слишком рано хочет», «слишком много хочет», «ты еще маленький», «вырастешь – поймешь». Родители боятся детских креативности и непредсказуемости, боятся, что у детей может быть Собственная Жизнь.

Начни жить сам и начни проживать с детьми их жизнь – ползать рядом, смотреть, наблюдать, чувствовать, воссоединяться с ними. Попробуйте на секунду забыть о проекте «как все должно быть» и начать просто присутствовать, видеть, чувствовать, осознавать. Не только кормить и одевать, но и наблюдать: что сейчас делает мой ребенок, зачем ему это,

почему это занятие для ребенка так важно. Если какое-то время провести не в контроле, оценке и занудстве, можно увидеть процесс познания жизни, открытие маленьким человеком окружающего мира. И в этот момент нужно просто быть рядом, в поддержке.

Мудрыми родителями мы становимся, когда понимаем происходящее: что делает ребенок, для чего, какие последствия? Тогда мы говорим «нет» не потому, что так правильно для кого-то, мы начинаем чувствовать, видеть, осознавать, что в данный момент необходимо поступить именно так. Если к ребенку подползла змея, нужно с силой его оттолкнуть от нее. Ему может быть больно, он испугается от неожиданности, заплачет, но сейчас по-другому поступить нельзя. Только так. И пусть другие тебя осудят за резкость и грубость, а ребенок обидится и впадет в истерику, ведь главное – ты знаешь, что делаешь. Нет «правильно» и «неправильно», есть то, что сейчас уместно, и то, что не уместно, то, что необходимо, и то, что избыточно, то, что достаточно, и то, что излишне, то, что эффективно, и то, что безрезультатно. Опираясь на очевидность происходящего, на здесь и сейчас, я не задумываюсь о том, как правильно. Внутри себя я чувствую – стоит лезть или нет. И когда чувствую, мне не нужны советы окружающих и мне наплевать, как я выгляжу в их глазах, и нет тогда притворства и формального воспитания на публику: услышал шум, пришел в детскую, наорал, вернулся за стол, а гости тебе уважительно говорят: «Ну и

строго же ты с ними! Молодец!»

Угодить всем все равно невозможно. Есть замечательная притча про старого человека, ребенка и осла. Они шли по улице, и прохожие говорили: «Купили животное, а не используют его». Ребенок залез на осла, идут дальше. Снова осуждение: «Вот молодежь пошла – старик идет, а этот едет». Им стало неудобно, и за углом они пересели. Снова недовольные: «Смотрите, молодому еще столько впереди жить, но он идет пешком и ноги стирает до крови, а старик все не нажился». И так далее. И можно всю жизнь ходить и слушать, что правильно и что неправильно. И то, что правильно для одного, – неправильно для другого. Нет ничего абсолютного. Говорят, что людей убивать нехорошо, а на войне за это медаль получают. Все где-то уместно, где-то неуместно, где-то это лекарство, где-то – яд. Когда ребенка не могут спасти врачи, мама бежит к знахарке, хотя это неправильно и ненаучно. Но она это делает, потому что важен результат – чтобы ребенок был здоров. Нет абсолютного добра или зла. Все работает или не работает в определенных дозах, обстановке и обстоятельствах. В тот момент, когда нужно действовать, ты не думаешь о том, что правильно или неправильно. Ты действуешь, и потом, постфактум, может оказаться, что ты был прав.

Я хочу, чтобы родители чувствовали себя не пользователями, а инвесторами. Дети – не затраты, а инвестиции. Ты вкладываешь в ребенка силы, деньги, время, эмоции. Поду-

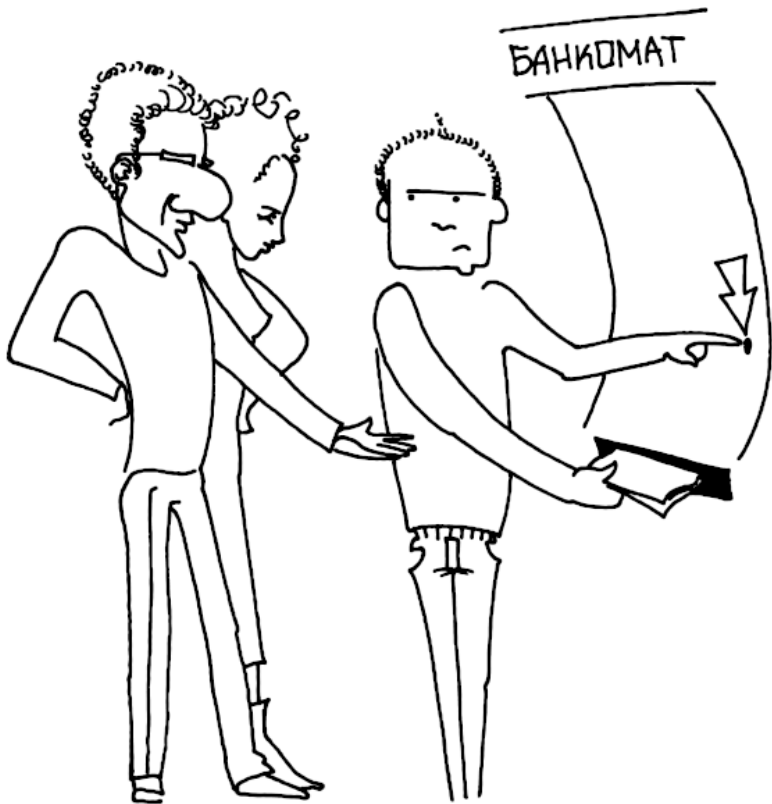
май о том, когда все не зря? Для чего все это? Что ты хочешь получить? Когда ты отвечаешь самому себе на эти вопросы, идет действие с целью. Ты хочешь, чтобы твой ребенок обладал физическим, психологическим и социальным здоровьем. Что такое проблемы? Когда нет этого здоровья. Как это понять? Только через сотрудничество, дружбу, поддержку, взаимодействуя с ребенком, разговаривая с ним, наблюдая за ним. Норма – это наше активное и творческое участие в жизни, актуальное действие, которое мы совершаем здесь и сейчас, наша внутренняя готовность быть с ребенком в контакте, осознавать и понимать, что происходит с ним, что он чувствует, чего хочет, чем важно для него то, чем он занимается. Мы нормальные, мудрые и адекватные родители, когда убираем внутри себя притворство и работу на публику, освобождаем место для того, о чем писал Толстой: человека нельзя научить любить – можно лишь убрать препятствия на пути проявления любви.

ВОПРОСЫ

Мой сын пошел работать, но, имея теперь личные деньги, не вкладывается в семейный бюджет. Я считаю, что он должен участвовать в семейных тратах, но у него оказывается другое мнение на этот счет. Как сделать так, чтобы он участвовал в расходах семьи?

А почему вы считаете, что имеете право на его деньги? По

вашему мнению, так он должен расплатиться с вами за свое счастливое детство? Ожидания в любом случае не работают. Если ваше ожидание состояло в том, что ребенок пойдет работать и будет отдавать вам зарплату, то разговоры об этом нужно было вести «на берегу». Не проясненные ожидания всегда заканчиваются обидами, партизанскими войнами, мстостью и страхом. Нужно начать с прояснения ситуации: «Зачем ты идешь работать? Что ты хочешь? Сколько будешь получать? Готов ли ты поддержать семейный бюджет? Или ты будешь жить отдельно и содержать себя сам?» Вы этого не сделали, ребенок устроился на работу, получил зарплату и узнал, что ее, оказывается, нужно отдавать вам. То есть мама думает: «Хочу новую шубу. Где денег взять? У мужа возьму, у сына возьму», но никого об этом не предупреждает. А у ребенка между тем есть собственные планы. И получается, что зарплата – одна, а планов на нее – два. Вы требуете, он сопротивляется, с вашей стороны начинаются угрозы, рэкет и шантаж. Не разговаривая с ребенком, не договариваясь с ним, а ставя перед фактом, вы тем самым лишаете себя ясности, остаетесь в своих иллюзиях, а когда сталкиваетесь с реальностью, переживаете стресс и яростнее нападаете на ребенка.

Дочь постоянно спит – рано ложится, но и в школу не добудисься, приходит после уроков домой – снова ложится на часок поспать. Я считаю, что это не совсем нормально. Она ленилась или у нее проблемы в школе? Что делать?

Раз это вас вдруг начало тревожить и беспокоить, значит,

скорее всего, это у дочери появилось недавно. Возможно, это связано с гормональными нарушениями, но, если вы уже были на обследовании и вам сказали, что соматически ребенок здоров и нарушений нет, смотрим психологическую часть. Возможно, ваша дочь слишком устает. Школьная нагрузка считается средней, и для одних она слишком легкая, а для других – запредельная. Если для дочери она слишком большая, то тогда для нее сон – способ защитить мозг от перегрузки. Вряд ли это признак лени. Лени – социальный диагноз, и ленивые люди тоже просыпаются, когда происходит что-то важное и актуальное лично для них. Может быть, вашей дочери не интересно то, чем она занимается, ничего увлекающего в ее жизни не происходит, и потому она часто спит. Но не исключено, что количество часов, отведенных ею на сон, которое кажется вам слишком большим, для нее – индивидуальная норма и потребность.

Как быть, если ребенку в следующем году идти в школу, но он не любит заниматься с учебниками, не хочет учить буквы, в то время как многие дети в его возрасте уже умеют писать, считать и читать и готовы пойти в первый класс?

Не умеет сейчас считать и писать – потом научится, первый класс для того и существует. В школе все быстро учатся, потому что в группе заниматься проще, чем дома, в одиночку, да еще и с предвзятыми родителями, которые не имеют навыков преподавания, а опираются лишь на свои пред-

ставления о развитии ребенка в определенном возрасте. В том садике, куда ходила моя дочь, родителям говорили: «Мы с детьми здесь занимаемся целый день, и домой они приходят отдыхать от занятий. Пожалуйста, не воспитывайте их, не учите ничему. Дайте им отдохнуть».

В вашем случае стоит разобраться, в чем дело. Понаблюдайте, не стало ли это «рыбалкой», то есть вам очень нужно, чтобы он читал и писал, а ребенок не учится это делать, чтобы вас заставить крутиться вокруг него и переживать за него. Вашему ребенку может быть совершенно безразлично то, что все вокруг ровесники, о которых вы ему рассказываете, уже читают и пишут. Но его может и обижать то, что вы его постоянно сравниваете и ставите ему кого-то в пример, и тогда в своей обиде он блокирует собственное развитие. В любом случае, просто оставьте ребенка в покое. Когда вы перестанете переживать за него, он сам начнет заботиться о том, чтобы научиться писать, считать и всему остальному.

Я стараюсь воспитывать ребенка свободным от наиболее штампованных стереотипов, но, общаясь со сверстниками, которые привыкли следовать неким догмам, он становится в их компании изгоем. Думаю, все может кончиться тем, что он либо перестанет доверять мне, либо останется одиночкой. Как этого избежать?

Правильно думаете. Вы уже чувствуете то, что ребенок вам не доверяет, сторонится вас, иначе вопроса бы не было.

Смысл нашего воспитания – сделать ребенка адекватным, научить его действовать необходимо, достаточно и уместно, а не эпатировать окружающих своей экстраординарностью. Если мы обучаем ребенка эпатировать, то тем самым представляем под оценку, осуждение и делаем его изгоем. Одна мама не без гордости мне рассказала о том, как ее сын однажды в школе сказал, что учительница английского плохо проводит уроки. Учительница сказала: «Либо я, либо этот мальчик». Директор школы выбрал учительницу, мальчик перешел в другую школу и теперь там учит математика проводить математику, а физкультурника – физкультуру. Это страшная ситуация. Она страшна тем, что свои таланты ребенок использует для того, чтобы его не любили. Если ты все знаешь и в школе тебе слишком просто, сдай все экстерном и поступи в институт. Свои способности можно использовать себе во благо, расти, зарабатывать, развиваться. А можно на них просто отрастить себе высокомерие и самомнение и стать изгоем.

Все дети в нашем классе чем-то занимаются помимо школы – ходят на какие-то курсы, в кружки или секции. А моя дочь никак не может определиться с выбором увлечения – ей ничто не интересно. Это нормально?

Нормально, если это проявление ее индивидуальности и ей действительно пока просто ничего не интересно. Но это может быть и признаком «рыбалки»: я вижу, что маме очень хочется, чтобы я чем-то занималась, а я назло ей заниматься

ничем не буду. В основе может лежать и страх – может быть, в раннем возрасте, когда дети во все влюбляются и всем хотят заниматься, вы ее осудили, раскритиковали, запретили что-то, и теперь выталкиваете ее из дома, а она уже боится сделать выбор, потому что опасается вашей негативной реакции.

Двое моих взрослых детей не разговаривают друг с другом уже около двух лет. Причем все мои попытки сблизить их ничем не заканчиваются. Не понимаю, как сестра и брат могут так относиться друг к другу. Ведь у всех моих знакомых между детьми обычно складываются хорошие и дружеские отношения. Почему у них так?

Чаще всего мы не разговариваем, когда обижены. Своим молчанием мы пытаемся наказать того, на кого обиделись, чтобы и ему стало так же тяжело, одиноко и плохо, как нам. Ваше участие в виде беспокойства становится не тем, что «лечит», а тем, что делает ситуацию хронической. Убирайте свое участие во взаимоотношениях детей, перестаньте о них беспокоиться, и тогда они начнут о своих взаимоотношениях беспокоиться сами. А сталкивание и сводничество враждующих детей ни к чему хорошему не приведет.

Мы купили дочери велосипед в подарок на шестилетие, но она на нем не катается. Хотя мы предварительно поинтересовались, что бы она хотела получить в подарок, и она сказала, что хочет коляску.

Мы ей предложили велосипед, потому что хотелось подарить ей что-то посерьезнее. Она согласилась и на велосипед, но теперь он стоит в углу. Почему?

Она не наигралась с коляской и мечтает именно о ней, что бы вы там ни думали о ее возрасте и о том, чем ей пора увлекаться. И на велосипеде она именно поэтому сейчас не ездит, что коляска для нее до сих пор важнее. А на велосипед она согласилась, чтобы вас не обижать, ведь ей хотелось вам угодить, а не спорить. А потом она еще подрастет, и вы будете удивляться: «Почему она такая скрытная? Почему не говорит, чего хочет, и не делится планами?» Потому что в шесть лет она поняла, что для родителей не важно то, чего она искренне хочет, – им важно их мнение о том, что ей должно быть нужно.

Если девушка родила в 20 лет, когда ни о какой зрелости и избытке речи не может быть, как ей быть?

Избыток – свойство и качество человека, а не привилегия возраста. «Избыточной» может быть и двадцатилетняя мама. Точно так же как «нищей» может оказаться более зрелая женщина. Вообще, существует множество стереотипов по поводу возраста и того, когда надо рожать детей. Женщин, рожавших первенца в 30 лет, называют «старыми первородящими», тем самым создавая страх и вынуждая людей несостоявшихся и не имеющих в жизни ничего рожать как можно раньше – в 15, 16, 17 лет. Но другие врачи говорят, что до 20 лет рожать тоже небезопасно. Получается, что в

тридцать – поздно, в двадцать – рано. При этом совершенно не учитываются готовность, зрелость конкретной женщины. Врачам важнее размеры таза, гормоны и прочее, потому что главное – все сделать правильно. Та же нечестность проявляется в диагнозах, которые ставятся на всякий случай. Если один врач чуть переборщит, ничего страшного – другие его коллеги ошибку поймут и исключат. Чтобы не отвечать за результат, врачи начинают перекладывать ответственность на маму, на папу, на витамины, на токсикозы, на несоблюдение диеты. И вся эта возня не имеет никакого отношения с тем, что там растет в животе. Тем временем будущие родители, увидев диагноз на полстраницы, начинают бояться того, что затеяли. У мамы формируется комплекс вины из-за того, что ей сказали, будто на родах она как-то неправильно себя вела. Потом этот страх передается ребенку, программируя его на дальнейшую жизнь. А через 30 лет начинаются отговорки: он у нас такой незрелый, потому что у него была родовая травма.

§ 1.3. Обратная связь

Нарушение процесса обратной связи между родителями и детьми начинается с момента рождения детей. Родители стараются угодить окружающим, слушают чужие советы и хранят их как старые застывшие фотографии, не обращая внимания на собственного живого ребенка, а когда он вырастает и выходит из-под контроля, мама с папой удивляются: «Мы же правильно воспитывали – родственники одобряли, соседи одобряли». Дело в том, что при воспитании детей нужно опираться не на мораль и не на то, как другие делают, а на «здесь и сейчас», на то, что ты чувствуешь и переживаешь в момент контакта со своим ребенком, понимая, что он говорит и как говорит.

Нам важно, чтобы дети нас услышали, а сумели ли они принять сказанное нами, поняли, почувствовали, изменились ли после этого – это нам не интересно. Нам важно лишь их согласие и признание нашей правоты. Воспитание мы подменяем самолюбованием – вот какой я строгий родитель, какие правильные вещи детям говорю. Но дети с 6–7 лет уже не слушают то, что мы им говорим. Во-первых, мы повторяем одно и то же. Во-вторых, мы сами не делаем того, чему учим. Потому и связь односторонняя – от взрослого к ребенку. Я родитель – я прав, знаю, как нужно, а ты маленький, вот и слушайся меня. А каково ребенку при этом – можно

не задумываться. Я посадил семечку, а будет ли она расти? Важнее то, что я посадил, что я воспитывал, что я тысячу раз повторял одно и то же... Но что толку, если это все не работает?

В детстве ребенок еще не обладает доверием к себе, меньше рассчитывает на свои силы и думает о том, что скажут взрослые. Посмотрите на ситуацию глазами ребенка: «Я что-то делаю и предпринимаю, а родители сразу начинают переживать, бояться и пугать. Они еще ничего не знают о внутренних мотивах того, что я делаю, но уже начинают влиять». Ребенок не получает адекватной обратной связи от родителей на свои действия, сталкиваясь лишь с их отношением к тому, что он делает. И тогда ребенок начинает придавать большее значение тому, как к его действиям относятся окружающие, нежели к тому, насколько это важно лично для него.

Обратная связь – нейтральная информация о происходящем. Например, высота над уровнем моря сто метров – это хорошо или плохо? Да не хорошо и не плохо, просто сто метров над уровнем море – и все. Температура на улице минус шесть – хорошо это или плохо? Если в холодильнике – хорошо, а если ты на улице в шортах – плохо. Точно так же в воспитании детей. Бывает, что ребенок в магазине дергает свою маму за волосы, бьет ее по лицу, а она улыбается, сохраняет внешнее спокойствие, притворяясь, что все в порядке. Она жертвует собой, терпит стыд и боль, не дает ему обратной

связи, тем самым его обманывает, а потом дома возьмет и врежет ребенку за какой-то его незначительный проступок – например, он случайно разольет воду. Тут мама все свое жертвенное терпение выплеснет, и ее реакция будет неадекватной. Ее агрессия будет именно реакцией, а не обратной связью на то, что ребенок натворил. Она накажет его не за разлитую воду, а за все то, что она заставила себя вытерпеть в течение дня.

Ребенок заистерил, заорал – и ты заорал точно так же, без страха, испуга и беспокойства. Это и будет обратной связью. Если нам неудобно кричать при свидетелях, ребенок начнет понимать: когда вокруг зрители, мама подкладывается, – и станет пользоваться этим. Он орет – ты орешь. Ты показываешь, что тоже можешь быть таким, как он. Подходит ко мне попрошайка с жалобным лицом: «Подайте Христа ради». Я ему тоже с жалобным лицом: «Подайте Христа ради». Я даю обратную связь, показываю, что тоже так могу, и человек меняет что-то в своих действиях. Отражение и есть обратная связь. В этом смысле собаки и кошки – более адекватные воспитатели, чем родители, потому что они более честные. Им наплевать, как они будут выглядеть в глазах окружающих, а многим родителям – нет.

Если ребенок ударил меня – я ему отвечаю ударом, но в моем ударе нет злости, испуга, страха, жалости или желания выглядеть «как-то» в глазах тех, кто это видит. Мой удар эмоционально нейтральный – я этим ударом не пытаюсь ото-

мстить и прервать ребенка, чтобы он больше так никогда не делал. Мой удар точно такой же по силе, как его, – не слабее и не сильнее. Пятилетняя дочь моих друзей однажды стукнула меня по голове – я стукнул ее так же, она стукнула еще раз, но слабее, я тоже ударил ее чуть слабее, потом она меня погладила, и я ее погладил. Так жизнь становится игрой. Я чувствую каждый миг, то, как мир реагирует, и выбираю манеру поведения в зависимости от ожидаемой реакции. Животные так и воспитывают своих детенышей. Когда котенок кусает кошку, она его тоже кусает, и это не значит, что она его не любит – просто дает понять, каково ей. В этом укусе нет наказания – она не кусает его сильнее, и нет жалости – она не кусает слабее. Она кусает точно так же, как он ее. Смысл обратной связи – дать тебе понять, каково мне от твоих действий.

Мы подменили детям жизнь на мертвые игрушки, с которыми можно делать что угодно – бить об угол, резать ножницами, прыгать по ним, отрывать ноги, а игрушечные существа все равно будут улыбаться. Это одна из иллюзий, которую мы внушаем детям, и они растут, не понимая сути ответственности за собственные действия. И пусть пишут на игрушках «экологически безопасные», я считаю, что все они – «экологически безобразные». Все эти поролоновые кошки и пластмассовые куклы не дают самого главного – обратной связи. Если сесть на живого цыпленка – ему конец, если на поролонового – ничего страшного. Если сломать живой цве-

ток – он засохнет и умрет, а если согнуть искусственный – тот выпрямится, и все.

Ребенок оторвал голову кукле, она не заплачет от боли и не засмеется. Как ребенку понять: он проявил нежность или причинил боль? Он смотрит на реакцию родителей, и потому важно, чтобы эта реакция была адекватна его поступку. Если они, глядя на изуродованную игрушку, смеются, этот смех для ребенка и является обратной связью, то есть реакцией на его действия. Раз взрослые смеются, значит, я делаю хорошо. А они зачастую ведут себя совершенно неадекватно, поэтому так важно, чтобы игрушки у ребенка были живые, которые реагируют на его действия. Настоящая кошка никогда не станет терпеть издевательства – она зашипит и убежит. Так до ребенка начинает доходить истина: если причинять кошке неудобства, она убегает, когда ее гладят – она сидит на коленях и мурлычет.

Помню, в моем детстве у нас на балконе жил птенец филина, которого подобрали на территории пионерского лагеря. Днем на балконе было светло, и брат накрывал птицу тряпкой, а потом как-то забыл об этом и наступил на филина. Он умер – это стало для брата фактором обратной связи. Он потом хоронил филина, плакал, но в то же время он понял: если с живым вести себя так же, как с игрушкой, то живое умирает.

Моя дочь сначала не умела соизмерять свои усилия с результатом, а потом появилась кошка Матильда, которая не

приняла неадекватности Василисы и убегала, едва завидев ее. Дочери приходилось кошку подлавливать, зажимать в углу, чтобы погладить, но та все равно вырывалась и царапалась. Потом появился еще и кот Кефир. Если Василиса делала ему что-то исподтишка и убегала, он ее догонял и сзади царапал за ногу, она спотыкалась, падала и плакала. Кефир стал для нее лучшим воспитателем.

Не хотите заводить животных – купите растение. Пусть рядом будет что-то живое, тогда ребенок увидит, как существа реагируют на действия: растение поливают – оно цветет, про него забыли – оно скукожилось. Взаимодействуя с живыми существами, ребенок понимает, что не все так быстро происходит, как ему хочется, появляется осознание: оттого что я психую, ничего не меняется. Цветок растет в таком темпе, в каком может, при этом требует ухода и терпения.

Я предлагаю родителям быть поддержкой для своего ребенка. Пусть он будет для вас главнее, чем все те незнакомые люди, которые окружают вас в супермаркетах и на улицах. В любом случае будьте на стороне ребенка, независимо от того, как он себя ведет. Всегда найдется прохожая «бабушка», которая начнет говорить, что вы плохо воспитали ребенка. Не вставайте на сторону «бабушек» – вставайте на сторону ребенка. Мир потерпит и как-нибудь переживет детские капризы и не погибнет от крика и плача. Общество подождет. Ребенок скоро вырастет и разберется с обществом, найдет в нем свое место, станет кем-то, но пока он маленький, не

понимает социальных моделей, ожиданий других людей, не знает, что такое подлость, предательство и прочее. И я прошу вас не быть подлыми и не предавать детей, потому что для них вы – единственный источник информации о мире, и она должна быть адекватной. Сделайте ребенка главным для себя, и тогда ваши реакции всегда будут естественными и единственно возможными. Поступайте с ребенком точно так же, как поступил бы на вашем месте любой другой незнакомый с ним человек. Если ребенок рушит полки в супермаркете, не позволяйте ему этого и не ползайте вместо него по полу, собирая рассыпавшиеся упаковки. Потому что, если он сделает это еще раз, а вас рядом не будет, никто в этом мире не будет ползать и собирать вместо него.

Для ребенка получение от родителей адекватной обратной связи в отношении собственных действий – огромный дивиденд. К нему приходит понимание того, что разные формы поведения с разными существами приводят к разным последствиям. Ребенок начинает выбирать манеру поведения и играть с миром. Он понимает, что может управлять миром: делаю зло – получаю агрессию, делаю добро – получаю хорошее расположение. Ребенок чувствует, что у него есть множество разнообразных моделей поведения, и одновременно у него формируется ответственность за свои действия, ведь он знает, какие именно поступки к чему приводят. А если он привыкает к тому, что дома его агрессивность оборачивается еще большей заботой со стороны родителей,

то, вне дома получая в ответ на агрессию точно такую же агрессию, он бежит обратно к ним. Ему начинает казаться, что лишь они его понимают и только с ними он может существовать. Так мы формируем привязанность к себе, потому что только с нами наш неадекватный ребенок чувствует себя в безопасности.

ВОПРОСЫ

Как вы думаете, стоит ли покупать ребенку игрушки, на которых присутствуют половые органы? И должны ли вообще игрушки, имитирующие людей, иметь выраженные половые различия?

Половые органы – такие же части тела, как руки или ноги. В них нет ничего особенного – это просто часть организма. Они абсолютно естественны – неестественно лишь отношение к ним, как к чему-то грязному, непристойному и нехорошему. Сегодня все политические и религиозные течения занимаются контролем, ограничением и дозированием влечения и секса. Есть такой московский мистик Андрей Лапин, который вывел закономерность: все в мире стремится к гармонии, и отсутствие у игрушек половых органов не решает проблемы, зато создает отличный (прибыльный) бизнес – отсутствующие у игрушек половые органы (больших размеров) просто изготавливаются отдельно и продаются в магазинах «Интим».

Родители считают, будто игрушки с половыми органами или подсмотренные ребенком «взрослые» фильмы могут спровоцировать у него нездоровый интерес. Но нездоровый интерес провоцирует как раз то, что мы прячем, запрещаем, за что наказываем и отчего сами смущаемся. Например, ребенок увидел, как родители занимаются сексом, – для него, только познающего этот мир, это просто событие, которое он видит в первый раз, и отношение у него к нему такое же, как при первом знакомстве с падающим снегом. Если мама начинает тут же смущаться, а папа устраивает ребенку выволочку, то тем самым они создают отношение ребенка к событию. Раз нельзя, значит, появляется интерес, желание вникнуть, узнать, попробовать, подглядеть. Поэтому я и говорю, что животные лучше мертвых игрушек. У животных половые органы никак не спрячешь – они есть. Ребенок видит, что у собачек есть, и у кошечек есть, и у него есть. У него не возникает вопросов к миру – он логичен и последователен. А когда он снимает штаны с куклы, а там нет ничего – это и провоцирует интерес. «Почему у меня есть, а у куклы нет?» – ребенок задает такие вопросы родителям, те начинают стесняться, ругать его, наказывать, а интерес только растет.

Следует ли публично наказывать ребенка? Можно ли это оставить до возвращения домой, или он все забудет к тому времени и эффективнее сразу указать ему на ошибку?

Мы собственные реакции дозируем – выставляем или

прячем – в зависимости от мнения окружающих. А где здесь ваш ребенок? Если вы хотите прервать некое действие ребенка, сделайте это. Подавив в себе это желание, почувствуете себя слабым, зависимым и не способным действовать сразу и обязательно сорветесь на ребенке если не в супермаркете, то дома, и это будет неадекватной обратной связью.

Наказание по поводу прошлого – это месть, а она всегда неадекватна. Хотите что-то остановить – останавливайте сразу, не можете остановить – примите этот факт и оставьте все так, как есть. Кто-нибудь другой остановит – охранник магазина, продавец. Не можете оставить как есть, потому что надо действовать, – действуйте. Например, вы стоите у дороги, а ребенок рвется вперед на красный цвет. Просто возьмите его за шкурку и держите. Самое главное, не чувствовать себя неудобно, если он вырывается и кричит, а все вокруг оглядываются на вас. Когда я осознаю, что именно так сейчас лучше всего, мне не перед кем стыдиться и не за что оправдываться.

Как влияют игрушки на формирование личности ребенка? Стоит ли мальчикам покупать пластиковые ножи, наручники и дубинки?

Если ребенок просит ножи и дубинки, значит, он хочет быть как герой какого-то боевика. Относитесь к этому как к симптому – ребенок начинает терять себя, не понимает того, кто есть он сам. Если ребенок хочет быть как Шварценеггер, значит, в детско-родительских отношениях мало

внимания уделяется индивидуальности ребенка. Понаблюдайте за детьми. Если вам понравился кто-то, кого показали по телевизору, и на следующий день ваш ребенок начинает в него играть, значит, он не уверен в том, нравится он маме или нет, любит она его или нет. Тогда он пытается соответствовать неким ее стереотипам. Если мама сказала про Шварценеггера, что он настоящий мужик, сыну тут же захочется стать на него похожим. Дайте ребенку любви и внимания, чтобы он не сомневался в себе, в том, что его любят и гордятся им, и тогда ему не нужно будет никого копировать.

Я считаю, что лучше, когда ребенок не имитирует жизнь с помощью пластмассовых ножей и молотков, а режет что-то настоящим ножом и настоящим молотком забивает настоящие гвозди. У меня у самого в детстве была коса для косьбы сена – первое время я резал пальцы, но на это никто не обращал особого внимания, не снимал ответственности и обязательств, а раз так, я просто на практике учился быть внимательнее с острыми предметами.

А стоит ли покупать девочкам все то, что имитирует взрослому косметике для женщин?

Всем известно, что лучший клиент тот, который стал клиентом еще в детстве. Поэтому в ресторанах появляются «детские дни» – это и забота о родителях, и работа на будущее, формирование у ребенка спроса, вкуса. Так в ресторанах воспитывают будущего клиента, человека, который будет ходить в заведения, когда вырастет.

Мы живем в обществе, где потребление играет главную роль, и для этого общества важно, чтобы человек потреблял и не останавливался. Детская косметика – как говорят, безвредная и даже полезная – это сохранение, умножение и поддержание традиций краситься и «тюнинговать» свое лицо. Здесь не может быть однозначного ответа – нужно или не нужно, можно или нельзя. Просто подумайте о том, для чего вам роль «отец» или «мать». Каким вы видите своего ребенка в будущем? Когда все не зря? Когда бы вы им гордились? И насколько важны эти игры, в которые он играет, для того чтобы ваш проект состоялся? Если дочь красится, чтобы найти свой образ, посмотреть, как это сочетается с разной одеждой, – это одно. Если она красится, чтобы получить внимание, чтобы ее заметили, если только так она чувствует себя красивой, – это другое. Моя дочь любит наряжаться, рисовать, придумывать образы, ставить спектакли, красить жену и подружек, кроме того, она мечтает о салоне для животных. Любые детские игры могут быть началом профессиональных навыков.

В продаже есть «Набор юного физика», «Набор юного химика» и прочее. Как вы относитесь к таким играм?

Первый вопрос: каким я хочу видеть своего ребенка? Самостоятельным или зависимым, ответственным или дурачком, потребителем или человеком с чувством меры? Когда я определился с ответами, мне проще решить, что моему ре-

бенку полезно, а что вредно. Я буду выбирать игрушки, исходя не из того, что «врачи рекомендуют» или «люди покупают», а брать лишь то, что моему ребенку нужно, то есть руководствоваться тем, что лучше для него. И при этом я буду учитывать его мнение, а не мое. Если ребенку интересны такие наборы, вполне может быть, что он так влюбится в это занятие, что затем оно станет его профессией.

Что делать, если ребенок принес домой беспризорного щенка или котенка? Можно ли заставить его отнести животное обратно на улицу или потакать ему, тем самым поддерживая и воспитывая в нем заботу о слабых?

Первая реакция у многих мам, когда они видят на пороге такую парочку – сын и щенок, – сразу жалеть себя. Вы еще ни разу за этим щенком не убирали, а уже начинаете заранее страдать – и так столько дел, вам и так трудно, не справляетесь, а тут еще эта собака, и опять ведь все сама, все сама. Прежде чем принимать решение, разберитесь в том, что происходит, «сориентируйтесь на местности», как говорят военные. Не начинайте врать, мол, это чужой щенок, за ним уже кто-то пришел и плачет, ищет его, отнеси скорее щенка на место. Посмотрите на ребенка: как он говорит о щенке, что в нем появилось нового после встречи с животным, чем оно так важно для него. Воспитание начинается не с наказания и запрещения, а с уточнения и ясности. Пока для ребенка все животные – игрушки. Он знает о собачках лишь то,

что они хорошие, добрые и плюшевые, и понятия не имеет, что они ходят в туалет, кусаются, могут погрызть любимые книжки и игрушки.

Начинаем спрашивать: «А где он будет жить? А как ты будешь его кормить? А как ты будешь с ним гулять? А знаешь ли ты, что щенок живой и за ним нужно будет убирать? А чем тебе он важен? А что ты чувствуешь? А что будешь делать, когда он вырастет?» И по ответам вы начинаете понимать, что происходит с ребенком. Вопросы учат планировать, задумываться о будущем, видеть перспективу во времени. Ответы – некие обещания, которые человек дает, и через какое-то время обязательно столкнется с опытом, показывающим, держит он свои обещания или нет. Даже если вы чувствуете, что ребенок сейчас привирает, придумывает, позвольте ему это. Позвольте вдохновиться, поверить в то, что он действительно сможет выполнить все, что обещал.

Порой своими вопросами родители начинают ждать готовых ответов: «А ты будешь убирать?» – «Да!» – «А ты будешь хорошо себя вести?» – «Да!» В таких вопросах с ожидаемыми ответами нет любознательности и искренности. Вы заставляете ребенка брать обязательства, о которых он ничего не знает. Прежде чем брать с него обещание «убирать за щенком», поинтересуйтесь, знает ли ваш ребенок, что это такое. Потому что если он не готов столкнуться с тем, что котенок вдруг погрызет его любимую игрушку, то может взять молоток и забить животное до смерти. Нам кажется, что де-

ти жестокие, а они просто не понимают разницу между поролоновым животным и настоящим.

Если ребенок ведет себя некрасиво в магазине, но мне совершенно не хочется падать рядом с ним на пол, можно ли как-то иначе установить с ребенком обратную связь?

Не хотите падать на пол, быть обратной связью, оставьте ребенка в покое – пусть подуркует, побесится. Примите, что повлиять можно лишь через контакт. Если контакта нет – повлиять невозможно (см. ответ на второй вопрос).

Мы с мужем следим, чтобы десятилетняя дочь не смотрела по телевизору боевики, криминальные новости и прочее. Не хотим, чтобы она до определенного возраста знала, что в мире много жестокости и насилия. Я считаю, что тогда она вырастет более свободной, открытой к взаимодействию, к общению с людьми, без страха перед миром. Вы согласны с этим?

Когда родители создают для ребенка сказку, в которой нет горя, бедности и смерти, то это отличная база для его дальнейших фрустраций. Ведь однажды ребенок столкнется с реальностью и узнает, что все это в ней есть, и безденежье, и страдания. Так было с Буддой, который шестнадцать лет не знал о том, что в мире есть старость, болезни, смерть, и, когда вышел из дворца, у него был шок. Пока ребенок маленький, вы можете ограждать его и создавать для него абсолют

добра, но однажды он выйдет в реальный мир и окажется в нем неадекватным, не готовым к защите. Говорить о том, что мир жесток, опасен и полон негодяев, – другая крайность. Эти суждения – бессмысленны, ведь другого мира у нас нет, и вызывать у детей страх и непринятие мира, воспитывать на иллюзиях нельзя, так как через какое-то время это придется лечить. Не прячьте от детей ничего. Просто объясните, что мир – нечто гораздо большее, чем то, что показывают в новостях. Новости – это не жизнь планеты, а лишь то, что интересно каким-то людям, жизнь состоит не только из убийств и ограблений, но еще и из успехов, оргазмов, рождения детей, пятерок за экзамены и прочего. Спросите ребенка: «Ты целый день жил и разве видел все то, что показали по телевизору, в нашем городе?»

Борьба с наркоманией создает наркоманию. Борьба за мир начинает новые войны. Если не вмешиваться, интерес к телевизору сам пройдет. Ничего не придется запрещать, если мы сами это не смотрим. Запрещать приходится, когда мы смотрим, а детям не даем: «Сейчас начнется передача для взрослых, так что иди спать». Помню, как мне папа с мамой так говорили, и я потом лежал под дверью в их комнату и пытался одним глазком подсмотреть то, что смотрят они. Запретами родители лишь нечто актуализируют в голове ребенка, к этому тут же возникает интерес и выделяется энергия – пока она не реализуется, интерес не пройдет.

Неужели вы будете отрицать влияние «улицы» на

формирование ребенка? Если он вырастает в контексте наркомании, криминала, он может попасть под влияние этой среды, и даже родителям будет трудно его оттуда вытащить.

Когда ко мне на консультации приходят мамы наркоманов, которые рассказывают мне о том, какое у нас телевидение, общество и школы, я понимаю, что они ищут виноватых, потому что чувствуют в себе авторство и непосредственное участие в том, что произошло с их детьми. Такие матери создают «Комитеты солдатских матерей», «Комитеты наркоманских матерей» и скоро, наверное, создадут еще какой-нибудь комитет, чтобы бороться с обществом, которое убивает их детей. Эти дети погибли в армии или другой какой ситуации только потому, что они вдруг остались без мамы и не смогли без нее выжить. Головы этих погибших детей были напичканы ложными представлениями о мире, которые мамы специально придумали, желая оградить ребенка от столкновения с реальностью. Сколько могли, они поддерживали детей в этих иллюзиях, думали за них, подсказывали ответы, беспокоились, и когда те выросли, вышли из родительского дома, мир оказался для них шоком, но по-другому они жить не умели и потому начинали глупить и настаивать, капризничать и говорить «как должно быть». Но мир вряд ли захочет измениться под чужие капризы. Тогда ребенку остается лишь вернуться к маме, а если это невозможно, то уйти из жизни. Либо ты примешь все как есть, либо ты погибнешь

– очень простая формула жизни. Ведь если ты примешь, то начнешь взаимодействовать, будешь в контакте и только тогда можешь повлиять, что-то создать, изменить, повернуть. Но если ты не в контакте, такой возможности просто нет.

Ребенка невозможно оторвать от мультфильмов – он готов смотреть их часами, хотя они глупые и «пустые». Ждать, пока ему это самому надоест?

Если реальная жизнь интересная, если между родителями партнерские отношения, в которых есть любовь, уважение и поддержка, если дома что-то происходит, если есть участие ребенка в семейных событиях, разговорах, если есть ежедневные открытия и интерес – в общем, если жизнь в семье есть, то мультики уйдут на второй план. Если в реальной жизни ребенок постоянно выставляется как «урод, неудачник, ничтожество», то он будет стремиться в мир иллюзий, где он ни в чем не виноват, где его не накажут.

А что касается низкого качества современных мультиков, то недавно в садике моей дочери состоялся разговор на эту тему у родителей с детским психологом. Она говорила нам о вреде современных мультиков, которые формируют матрицы жестоких женщин, и приводила в пример «Шрека», где есть сцена, когда девушка бьет главного героя ногами по лицу. Психолог сказала, что женщина себя так вести не может, мол, женщина – это мать, пухлые розовые щечки и прочее. Но женщины бывают разными, и чем раньше ребенок это узнает, тем лучше. Не создавайте сказок, мифов, не на-

вязывайте ребенку стереотипов о «настоящих женщинах», «настоящих мужчинах» и прочем. Чем меньше вранья, тем адекватнее будет ребенок.

§ 2.1. Точка опоры

Родители, у которых порядок в собственной жизни, счастливы, если ребенок начинает жить самостоятельно и у него есть внутренний центр, точка опоры, он сам несет ответственность за свою жизнь и ему не нужны «костыли» в виде помощи и поддержки родителей. И в этом случае ты как родитель точно знаешь, что с ним никогда не произойдут все те страшные вещи, которых боятся беспокойные мамы, потому что у твоего ребенка есть мужество думать своими мозгами и опираться на собственный здравый смысл. Ты уверен, что он станет победителем, удачливым, успешным, и все, что тебе остается, – им гордиться, и тебя даже несильно беспокоит то, где он живет. Ты знаешь, что где бы он ни жил, он живет самым наилучшим образом среди всех возможностей, которые в мире есть.

Есть люди, которые замечательно живут в любых условиях. Есть люди, которым нужны специальные условия, чтобы жить. До ребенка нужно донести, что он сам и есть главное условие, чтобы жить. Ты живой – вот и живи. И если мы возьмем универсальную цель родительства в планетарном масштабе – она такая же, как у львицы, собаки или дельфина: научить детеныша ответственности за свою собственную жизнь. Это качество не появляется само собой в определенном возрасте – его нужно формировать и создавать.

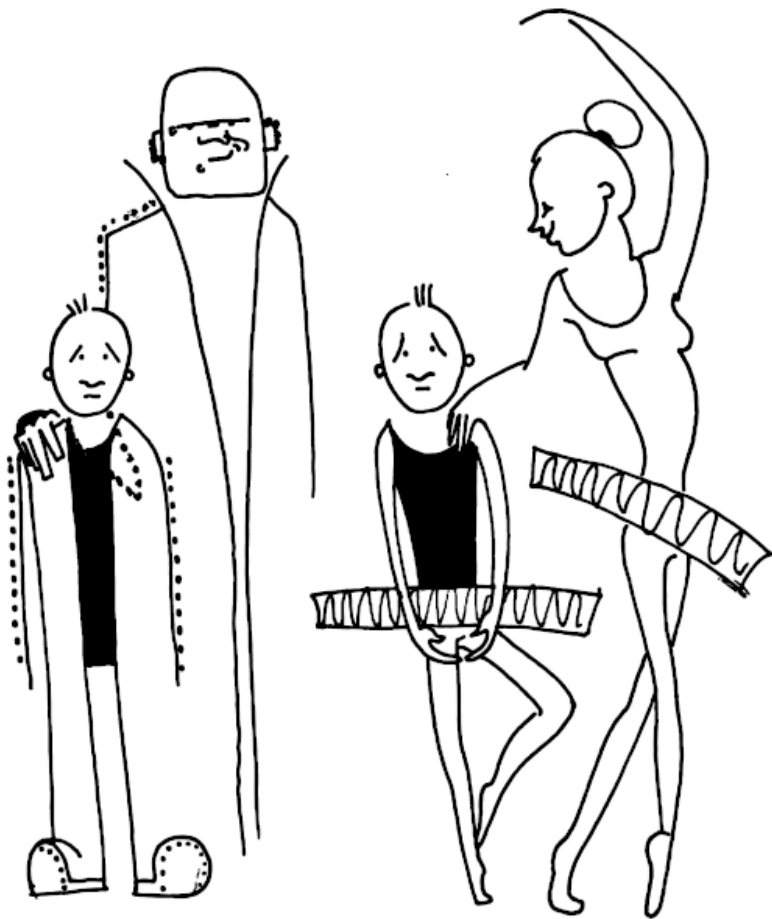
Страхом научить ответственности нельзя. Страх – стимулирующий, а не мотивирующий фактор, и работает лишь как временная мера. Родители не в состоянии ничего запретить. Даже если сейчас запретишь, ты всю жизнь не сможешь бегать за ребенком и следить, запрещать и контролировать. И в тот момент, когда тебя нет, он сделает то, что хочет, и ты даже никогда не узнаешь об этом. Ты научила ребенка давать правильные ответы, звонишь домой: «Что делаешь, сынок?» – «Уроки», – говорит он тебе, а сам смотрит дневной повтор того фильма, который ему вчера не разрешили посмотреть.

У ребенка должна сформироваться точка опоры, чтобы он мог сам выбирать, что его, а что нет. Когда точки опоры нет, приходится опираться на «правильно-неправильно», а это меняется постоянно. Раньше, не дай бог, если ты с кем-то переспал до свадьбы – позор, а сейчас попробуй только не переспи – тоже позор. Если внушать детям стереотипы о нормах, то таким образом мы делаем их незащищенными перед изменчивым миром, перед оценкой. Ребенок начинают верить в абсолют, а потом все переворачивается с ног на голову – и он впадает в состояние растерянности.

Когда ребенок начинает верить в абсолютность оценки, он становится глупым, зависимым, очень уязвимым и превращается в социальную овцу – ту, которая маме говорит: «Видел рекламу шоколадки по телевизору, и мне она очень нужна. Я без нее жить не могу!» И жизнь его зависит от того, кого он встретит сегодня. Встретит сектанта – станет сектантом.

Встретит вора – станет вором. Встретит наркомана – станет наркоманом. Мамы обычно не видят причину проблем ребенка в себе и списывают все на школу и телевизор. Миллионы людей смотрят телевизор, столько же ходят в школу, но ведь не все становятся наркоманами.

Я однажды общался с мамой наркомана. Она только зашла ко мне в кабинет, а я ей сказал: «Хочешь, расскажу, какой

у тебя сын? Безответственный, безвольный и нецелеустремленный». – «Да, а откуда вы это знаете?» – «Потому что ты очень ответственная, решительная и целеустремленная». Если в маме какие-то качества гипертрофированны, у ребенка они вовсе атрофируются за ненужностью – ему их не обязательно иметь. Нужно делегировать ребенку что-то – ответственность или честность, тогда это станет качеством его индивидуальности.

Мамы, не имеющие своей жизни, начинают забирать ее у детей – переживают, поел ли ребенок, с кем он встречается, что делает, выспался ли. Им всем на курсы к моей бабушке нужно сходить. У нее двое детей от голоду умерло, а в наше сытое время ее вообще никогда не беспокоило, кушал я или не кушал. Ребенок есть не просит – и хорошо. Зовут обедать, я отказываюсь – «ну, не хочешь, и не надо». Дедушка помоллся, покушали, и все убрали. Не успел – сиди голодный. И то, покушал я или нет, вдруг стало беспокоить меня самого.

Ответственность родителей заключается еще и в том, чтобы научить детей идти навстречу какому-то мнению, если им самим это нужно, или не идти, остаться независимыми и не вовлекаться, зная, что им самим это не надо. Например, ребенок приходит из школы: «Учительница меня не любит». Прежде чем вынести приговор или диагноз поставить, спросите у него самого: почему так происходит? Начинается инвентаризация момента. Выясняется, что не любит за какие-то действия. «Во-первых, учитель и не должен тебя лю-

бить. Он должен учить. Во-вторых, зачем ты учителя провоцируешь на конфликт? Ты защищаешь нечто, что так важно для тебя, и даже готов портить отношения с учителем? Как считаешь, стоит ли и дальше так себя вести? Если да, зачем тогда жалуешься? Правильно ли я понял тебя, что ты портишь отношения для того, чтобы я ходил туда и восстанавливал их?»

Есть три вопроса для ребенка, работающие магическим образом:

Первый вопрос: что ты сейчас делаешь? Это дает человеку возможность осознать, где он, что он, на что направлена его деятельность – «стоп» такой.

Второй вопрос: как ты думаешь?

Третий (контрольный) вопрос: когда?

Так и идет формирование ответственности. Дети быстро учатся давать правильные ответы на вопросы родителей, но индивидуальность не проявляется через правильные ответы. Первое время, когда задаешь ребенку вопросы о том, что он думает, он будет стараться ответить нечто, что тебе понравится. Мы сами провоцируем детей на эту ложь: скажи что-нибудь маме, чтобы она успокоилась, скажи что-нибудь папе, чтобы он отстал.

Главное, чтобы у родителей не было ожидания ответа: спрашиваешь, но не поправляешь ответ. Своим вопросом мы даем ребенку возможность ответить самому себе, и то, что он сказал, нас не радует и не расстраивает. Я услышал и

принял. Только тогда, без внешней оценки, одобрения или осуждения, ответ ребенка воспринимается как его собственный. «Какие у тебя друзья, сынок?» – «Хорошие». – «Как ты думаешь, а чем они хороши?» И оставить его с этим ответом. Если нет ожиданий, ребенок ответит объективно, ответит сам себе. Так у него появляются собственные уроки – это самое ценное. Когда мы не даем ответы, ребенок начинает искать их внутри себя и, если на практике получает подтверждение того, что оказался прав, обретает доверие к себе, точку опоры. Иначе говоря, ребенок обретает мужество пользоваться собственными мозгами (то есть размышлять, креативить, проявляться) и уверенность: опираясь на свое мнение, получишь то, что тебе надо.

Не стоит отвечать на те вопросы, ответы на которые очевидны. Дети порой спрашивают лишь потому, что помнят: когда-то их вопросы всех умиляли. И они спрашивают, просто чтобы получить внимание, и иногда делают это, потому что не доверяют себе. Например, дочь заходит на кухню, а я пью чай. Она спрашивает: «Папа, что ты делаешь?» – «А ты что видишь?» – «Ты чай пьешь». – «Так и есть». И дочь учится доверять себе, тому, что она видит. Когда дети упорно спрашивают о чем-то очевидном, значит, они не уверены в себе.

Из-за своего высокомерия мы, как правило, очень поздно начинаем делегировать ребенку ответственность за его жизнь. Сначала нам нравится думать за него, нравится, что

он обращается к нам за советом, а потом он перестает думать самостоятельно, и приходится постоянно его спасать из всяких передряг. Несмотря на то что мы сами это устроили, вскоре нас начинает тяготить такая ситуация.

ВОПРОСЫ

Как понять, готов ребенок жить отдельно или нет? Например, моему сыну шестнадцать лет, и он хочет жить самостоятельно. Есть ли критерии, по которым можно спрогнозировать, чем это закончится – самостоятельностью или крахом?

Откуда такой вопрос? Шестнадцать лет ребенок был у вас перед глазами. Вы его не видели, не наблюдали за ним, а любовались придуманным образом? Я рекомендую диагностику, то есть задать ему вопрос: «А зачем тебе это?» Но диагностикой это будет лишь в том случае, если у родителей нет страха, суждения, осуждения. Порой идея жить самостоятельно возникает не потому, что в жизни должно что-то появиться, а потому, что человек хочет от чего-то сбежать, например избавиться от родительского контроля, чтобы можно было сутками смотреть телевизор.

Сделайте диагностику и себе. Почему вы так боитесь того, что ребенок хочет жить отдельно? Может быть, вы просто еще не наигрались в дочки-матери? Тогда возникает страх: если ребенок сейчас уйдет, то чью жизнь я буду контроли-

ровать и проживать, ведь моей собственной у меня нет. Ревность и страх не позволят сделать точную диагностику. Ребенок отвечает: «Я хочу попробовать жить один». – «Хорошо, если не получится, приходи домой».

Мудрое решение – адекватное решение. Оно естественно появляется, когда родителям все понятно и ясно. Отсутствие ясности вы замещаете концепцией «правильно или неправильно», «рано или поздно», «должно так быть или не должно». Скажите себе «стоп». Кто мой ребенок? Имеет свое мнение или нет, пользуется своими мозгами или ведомый, может ли взяться за дело и довести его до конца, есть ли у него решительность, как он проявляется в трудностях – решает или пасует?

Мой друг рассказывал, что купил дом, а дети не захотели в нем жить и остались в городе, в старой квартире. Одному – 16 лет, другому – 10. Родители ждали, что через какое-то время дети начнут звонить, спрашивать совета, но этого не произошло. Папа звонит: «Как дела?» – «Нормально». – «В школу опаздываете?» – «Нет». – «Нарекания от учителей есть?» – «Нет». – «Уроки делаете?» – «Да». И тут папа чувствует, что стал детям не нужен, и началась паранойя: не рано ли им жить самостоятельно, не лишаю ли я их детства, заставляя нести тяготы взрослой жизни? Кто вам сказал, что это тяготы? Ваш опыт? Мы ревнуем детей к их жизни, и это делает нас неадекватными.

Что делать, когда очевидно, что ребенок не

справляется с той самостоятельностью, на которую решился, но и помощи не просит?

Значит, это только вы считаете, что он не справляется. У вас было ожидание, как все должно происходить: ребенок будет звонить, что-то просить, вообще вернется домой. Но раз он помощи не просит, значит, может сам. Вы замечаете, что ему трудно, а он не жалуется, видимо, еще не наступило отчаяние, он чувствует, что справится, продолжает трудиться, напрягаться, строить жизнь самостоятельно. Возможно, вам кажется, что у него не получается, потому что ребенок живет не так, как вы того хотите. Просто есть и другие способы жить. Ребенок ест один «Доширак», а мог бы дома колбаску кушать. Кто сказал, что «Доширак» – это плохо? Раз колбасы у родителей не просит, значит, любит лапшу. И отстаньте от него.

Вместо тревожного ожидания, что ребенок вот-вот облажается и вернется, неплохо бы ради эксперимента думать о том, что у него получится, трудности случаются, всякое бывает, ничего с первого раза не получается, пусть попробует еще раз и еще раз. Даже если не получается, это не повод поставить на ребенке крест и сказать: «Все, сиди теперь с мамой всю жизнь. Видишь, какой ты несамостоятельный?»

Я больше скажу: даже если ребенок просит помощи, не топчитесь ему помогать. А судя по вопросу, вы только того и ждете, чтобы он попросил о помощи, и тогда вы станете снова важными и значимыми, будете отвечать за его жизнь и до-

кажете ему его несостоятельность. Позвольте ребенку самому дойти до понимания и осознания: может ли он жить сам, – и не торопите его своими комментариями. Так дети растут – в одиночестве, без друзей, без помощи, один на один с событиями: «Я продолжаю действовать и делать. Не на оценку, не за аплодисменты, а чтобы выжить».

Следует ли в ребенке воспитывать чувство того, что он особенный, отличный от всех?

Мы и так все особенные, не похожие и уникальные – это и называют индивидуальностью. Каждый рождается необыкновенным – просто не убивайте в детях это ощущение. А получается так, что родители сначала дают ребенку почувствовать, что он – полное ничтожество, а потом начинают в нем воспитывать чувство собственной уникальности. Это очень трудный процесс – сначала разрушать, а потом строить. Не разрушайте изначально. Есть замечательный анекдот о том, как к ветеринару пришла женщина с жалобой на то, что собака постоянно писается и какается. Он попросил прийти с собакой. Та приводит собаку, и ветеринар говорит: «Скажите ей что-нибудь». И хозяйка яростно орет: «Сидеть!!!!!!!» Дети рождаются безбашенными, смелыми, отважными, готовыми к риску, без тревоги и без страха. Потребность в вере в свои силы появляется, если ее забрали.

Как обеспечить детям ощущение того, что дом родителей всегда будет их тылом, но в то же время чтобы они старались самостоятельно решать свои

проблемы и лишь в крайних случаях обращались к помощи «тыла»?

Беспокойство говорит о том, что вы знаете: ваш ребенок несамостоятельный. А ваше лицемерие в том, что вы говорите, будто тяготитесь его просьбами о помощи, но на самом деле вы получаете от этого удовольствие. Это игра такая: «Я бы помогла, но вот если бы не каждый день, а через день...» Пока ребенок не станет самостоятельным, пока не сможет нести ответственность за свою жизнь, он приходит за помощью. Надо будет – станет приходить каждый день. Возможно, это стало напрягать родителей, потому что у них уже появилась наконец-то личная жизнь. Раньше ее не было, и им нравилось, что дети обращаются постоянно за советом, за деньгами, а сейчас их зависимость начинает напрягать. Ваш контроль за ребенком обернулся его контролем за вами, а его несамостоятельность стала вашей несамостоятельностью.

Можно ли воспитать в ребенке точку опоры, отказывая ему в карманных деньгах (чтобы он шел зарабатывать), не оставлять ему готовый обед (чтобы учился готовить) и прочим?

Научиться можно, когда учат. Мы растем, становимся отважнее, смелее, умнее, когда решаем задачи и преодолеваем проблемы. Создание нагрузок может стать как хорошей тренировкой, так и доказательством никчемности. Отказ – не способ воспитания. Если ты приручил ребенка, посадил на то, что дома его обеспечивают, неси ответственность. «Не

умеешь зарабатывать – ходи без денег. Не умеешь готовить – ходи голодным» – это не вариант. Любая нагрузка, которая создается ребенку, должна быть адекватна его способностям. Когда вы отказываете, чего именно добиваетесь? Чтобы он стал зарабатывать или чтобы начал унижаться перед вами и выпрашивать подачку? А ваш ребенок в курсе, где деньги живут? Откуда они берутся у вас в кармане? Отказывать ребенку в деньгах можно лишь в том случае, когда он знает, что нужно предпринимать, чтобы их заработать. Ведь если он считает, что деньги берутся из кармана, то, получив от родителей отказ, он полезет в единственное место, где, по его мнению, водятся деньги, – в карман. Может к родителям полезть, может и в чужой.

Ребенок просит триста рублей на дискотеку, вы видите, что на балконе стоят три бутылки, которые можно сдать за десять рублей, и говорите: «Дам 290 рублей, десять сам найдешь». Таким образом, вы проверяете, может ли ваш ребенок увидеть десять рублей в этом мире и, увидев их, предпринять нечто для того, чтобы они оказались в его кармане. Он может и не увидеть, а начать шантажировать, капризничать и угрожать: «Ну, тогда я вообще не пойду никуда!» Это то, что вы создали. Лишать такого ребенка денег, чтобы убедиться в его никчемности, – тешить свое самолюбие.

В седьмом классе у меня тоже появились всякие хотелки – магнитофон, клеши и прочее. Мама сразу внесла ясность: «Папа работает один, деньги, которые он получает, расписа-

ны, лишних нет». Мне еще не было четырнадцати лет, но по знакомству меня устроили на стройку, где за два месяца я заработал 180 рублей. Магнитофон стоил 220 рублей, но каникулы кончились, и заработать недостающую сумму я не успевал. Тогда мама мне добавила – это называется «поддержка». На следующий год я уже не обращался к маме – знал, что сам смогу заработать. Снова пошел на стройку и заработал себе на клеши. Все было честно – меня предупредили, что денег нет, показали, где можно заработать, заработанные деньги не отбирали, а уважали мои планы и поддержали, добавив на магнитофон денег, увидев, что я сам не справляюсь.

Как быть, когда ребенок настолько самостоятелен, что совершенно не пускает родителей в свою жизнь, ведет себя независимо и отчужденно?

Это говорит о бегстве из дома. Детство для ребенка было наполнено контролем, расспросами, запретами, допросами и пытками, ужасом и кошмаром, вмешательством, хирургией индивидуальности и отрезанием от нее кусков. И теперь он сбежал. И дело не в самостоятельности. Ему может быть очень трудно, но он предпочтет сдохнуть, чем обратиться к родителям за помощью. Он не пускает вас, охраняет и оберегает свою жизнь, потому что вы его уже достали своим вмешательством. Он не хочет быть опять контролируемым, осуждаемым, подверженным манипуляциям, беспомощным, чувствовать себя на бесконечном суде, где вы – главный судья и приговоры обжалованию не подлежат. Вы предприни-

маете попытки влезть в его жизнь и быть ему якобы полезными, но он не дает, потому что знает: это опасно для его индивидуальности, для его жизни, для его системы ценностей.

Отсутствие уважения и доверия говорит о том, что вы недостойны уважения и доверия. Уважение появляется, если вы ребенка уважали, доверие – если вы ему доверяли. Если уважение к чужим силам, доверие к чужой индивидуальности, святость личного пространства каждого представляли ценность в вашей семье, вам не о чем беспокоиться – ребенок будет к вам приезжать, чтобы делиться новостями, успехами и радостью. Если этого не было, тоже не о чем беспокоиться – он никогда не вернется в родительский дом. Максимум – приедет на ваши похороны. Но может и на похороны не приехать.

Мой муж считает, что сына с детства нужно приучать к самостоятельности, а мне не хочется раньше времени лишать его детства, и я стараюсь его поддерживать и баловать. Как скажется на ребенке то, что у родителей разные взгляды на его воспитание?

Плохо скажется. Оба родителя предают своего ребенка, поэтому можно даже сказать, что у него вообще нет родителей. Вы оба так озабочены концепцией «правильно-неправильно», что не обращаете внимания на самого ребенка. У меня вопрос к вам: «А что он сам думает? Он хочет в детстве побыть или самостоятельность проявлять?» Потому что ваши с мужем взгляды на воспитание, к сожалению, к само-

му ребенку никак не относятся. Вам ваши отношения важнее ребенка, и вы используете его как козырную карту. Каждый разыгрывает свою правоту. «Я считаю, что он уже взрослый!» – «А я считаю, что он еще маленький!» Не надо ничего считать – вот ребенок, спросите у него. Скорее всего, в вашей паре проблемы с сексуальной жизнью или вы не состоялись в таких ролях, как «любовник», «подруга», «профессионал».

Когда мама говорит, что не хочет лишать ребенка детства, она саму себя не хочет лишать детства. Ребенок готов к самостоятельности в полтора года, когда говорит, что теперь он все будет делать сам. Берется нести сумку, а она слишком тяжелая для него. Не надо тыкать его носом в его слабость и радоваться его неспособности помочь – поддержите его инициативность, предложите, чтобы каждый нес сумку за одну ручку. Да, ребенок может браться за то, что делать еще не умеет, будет делать это некачественно, может порезаться, уронить, рассыпать, но, если в этом нет угрозы его жизни, пусть он переживет этот опыт.

К сыну пришли друзья, и после их ухода мы обнаружили пропажу крупной суммы денег, которая была спрятана. Сын не был инициатором кражи, но молча наблюдал за тем, как его друзья рыскали по квартире. Почему он не смог защитить себя, свою семью, ее имущество?

Искушение – тоже грех. Старая истина: если я чего-то не знаю или не вижу, то этого для меня нет. Вы своими оправданиями про спрятанные деньги, про пассивного сына и его нахальных друзей просто выгораживаете себя, потому что чувствуете, что сами поучаствовали в этой краже в качестве провокаторов. Если бы дома не было никаких разговоров про спрятанные деньги и сын про них не знал, он не хвастался бы во дворе про папину записку, и никто бы не полез в

вашу квартиру.

Вы недовольны тем, что ваш сын не бросился защищать ваши деньги? Вы бы хотели, чтобы он изображал героя? Как в фильме «Заплати другому», где «хорошего» мальчика убили «плохие» люди, а мама с папой потом гордились тем, что их сын «не зассал»? Вам такого сына-самоубийцу надо? Кроме того, ваш сын просто не воспринимал эти деньги как свои, из которых ему покупается одежда и еда. Что удивляться тому, что он героически не вступился за них? Это не его деньги. Он за любимую машинку покалечит любого, за сломанную спичку, которая у него вместо пушки, не будет разговаривать с вами неделю, а понятие ценности денег у него не сформировано. И тогда он-то при чем в этой краже? Как в нем должно появиться то, что вы в него не вложили? Откуда это возьмется, если, кроме вас, у него в этом возрасте больше никого нет? Если ребенок до сих пор думает, что деньги берутся из кармана, он будет к ним беспечно относиться. Если показать ему механизм того, как они попадают в карман, как они зарабатываются, – даже мыслей украсть не возникнет.

Списывать собственные глупости на ребенка – это не уникально. Приходят родители: «Нам кажется, что с ребенком что-то не так». Первый вопрос: «А что с вами не так, если у вас такой сын?» Если у вас яблоко, значит, вы – яблоня. Хотите грушу? Становитесь деревом грушей.

У нас дома часто бывают конфеты, печенье, и пока все это есть, подружки дочери приходят к нам в гости

и «дружат» с ней. Однажды дочь пришла расстроенная, я спрашиваю ее: «В чем дело?» – «Вот опять девчонки меня послали за конфетами». – «А ты зачем сделала это своей обязанностью – всех конфетами обеспечивать?» – «А без этого они со мной не дружат». Я поговорила о том, что это тоже не дружба, что себя нужно отстаивать, не делать того, чего не хочется, не бояться остаться одной в какой-то ситуации, но она боится одна остаться, боится потерять общение. Как привить ей уверенность, чтобы дочь могла себя отстоять?

В этой игре ваша дочь – «клиент», а ее подружки – «проститутки», которых она покупает. Появление таких отношений у дочери говорит о том, что вы себя с ней ведете точно так же. Когда она хорошая для вас, вы ей даете конфету, когда плохая – наказываете. И дочь знает, как быть хорошей для вас, и знает, как можно купить кого-то за конфету. А все, что вы перечисляете, говоря о дочери, это на самом деле все о вас самой: это вы боитесь остаться одна, потерять общение, не можете постоять за себя, не обладаете уверенностью. Поэтому и в дочери этого нет – в ней не может просто так появиться то, чего нет у родителей. Я бы предложил вам заняться инвентаризацией своей жизни, посмотреть, что у вас есть, убрать то, что не нужно, и развить то, что необходимо. Тогда и в вашей дочери появятся и чувство собственного достоинства, и доверие к себе, и уверенность, и умение общаться и дружить.

Я думаю, если прислушиваться к тому, что хотят

дети, и потакать им, то они будут целыми днями на велосипеде кататься. Как вы считаете?

А чем плохо кататься на велике целый день? Вам завидно, что ли? Или у вас есть другие предложения? Тогда озвучьте их, предложите ребенку свой план, спросите, какой план на день у него, тогда вы будете с ним в контакте и сможете договориться. И не надо бояться, что он целый день с велосипеда не слезет. Попробуйте целый день кататься на велосипеде – у вас не получится. Олимпийские чемпионы не могут целый день кататься на велосипеде без перерыва. Не надо себя так пугать, час-два покатался – и надоедает. А если вы ждете, когда ребенку надоест, никогда не надоест – так и будет целый день кататься до измора.

Понятно, что отдыхать лучше, чем работать. Я преподавал МВА, студенты – взрослые, умные, серьезные бизнесмены. Предлагаю им: «А давайте отдохнем, шашлыки пожарим?» Все «за», никого уговаривать не надо, а предложи поработать – нет энтузиазма. Откуда он у вашего ребенка появится? Не отнимайте велосипед – лучше вовлекайте его во что-то еще. Исходите из того, что он хочет и о чем мечтает. Если вы с утра ребенка будите потому, что вам надо на работу, он не хочет встать – ему-то на работу не надо. Не навязывайте своих планов – помогайте ребенку создать свои. Поднимайте его утром не потому, что вам надо, а потому, что он пойдет в садик, куда принесет новую игрушку и с друзьями поиграет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.